

ПРОФЕССОРСКАЯ ДОЧКА

ЮЛИЯ НИКОЛАЕВА

Юлия Николаева

Профессорская дочка

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66865568

Аннотация

В первую нашу встречу он пытался меня купить, при этом ещё и насмехался. Во вторую оскорбил. Третьей, я была уверена, не состоится. Только вот оказалось, что он наш новый преподаватель литературы, и я должна помогать ему в разборах дипломных работ. Как мне это выдержать, когда он весь такой наглый, хамоватый и невозможно... сексуальный?

Жаль только, я не знала, сколько на самом деле между нами преград, не только в настоящем, но и в прошлом.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	29
Глава 6	34
Глава 7	40
Глава 8	46
Глава 9	52
Глава 10	58
Глава 11	64
Глава 12	71
Глава 13	77
Глава 14	85
Глава 15	91
Глава 16	97
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Юлия Николаева

Профессорская дочка

Глава 1

– Нет, ну девчонка была хороша, и явно на меня запала, – хмыкает Савва, натягивая рубашку поверх футболки.

Рабочий день почти окончен, клиентов точно не будет, так что парни сваливают заблаговременно. А вот мне придётся отсидеть ещё пятнадцать минут, прежде чем закрыть мастерскую. На слова о девчонке насмешливо морщусь.

– По-моему, она запала на Глеба, – говорю просто так, чтобы позлить друга, ибо сложно сказать, как оно было на самом деле. Тем более что Савва и Глеб близнецы, а близко с ними приходившая клиентка, девчонка лет восемнадцати и при деньгах, не общалась. Хотя судя по загоревшимся глазам – была не против.

– Коза, – беззлобно щиплет меня Савва за бок, – вот же-нюсь на тебе в отместку, будешь знать.

– Эй, я на ней женюсь, – Глеб шутливо прижимает меня к себе, поглаживая по плечу.

– Валите уже, – ворчу я, чмокнув меня в макушку, парни сваливают.

Я сажусь, выключаю компьютер, убираю каталоги в ящик

стола. Уверенная в том, что никого больше не будет, закидываю ноги на стол, залезая в интернет на телефоне. В этот момент и раздаётся звон колокольчика. В первое мгновение я торможу, уверенная, что это кто-то из парней вернулся, но когда поднимаю глаза, понимаю: нет, клиент!

Слишком резко выпрямляюсь, убирая ноги, так что чуть не падаю со стула. Вошедший мужчина небрежно на это усмехается.

– Извините, – говорю, вставая и оправляя рубашку. Взгляд его скользит от моего лица вниз, я отчего-то испытываю неловкость. Хотя в смысле отчего-то: есть отчего! Передо мной не просто среднестатистический мужик, а настоящий красавец!

Около сорока, холёный, стильный, темные волосы зачесаны назад, пронзительный взгляд карих глаз, прямой нос, пухлые губы... Лицо, что называется, породистое. Веду взглядом вниз, по широким плечам, обтянутым тонкой светлой рубашкой, заправленной в темные брюки. Прямо такая вкусная конфета в дорогой обертке.

Когда мой взгляд возвращается к его лицу, мужчина вздергивает бровь.

– Насмотрелись? – интересуется с ехидством, а я беру и краснею. Хотя да, рассматривала я его дольше позволенного. Взяв себя в руки, нацепляю официальное лицо, и говорю:

– Добрый вечер. Мы скоро закрываемся, но вы можете рассказать, по какому вопросу пришли, и я постараюсь вам

помочь.

– Ваше заведение сегодня посещала моя дочь, – он описывает её, и я узнаю ту блондинку, что заглянула к нам в обед. Между прочим, заглянула не просто так, очень заинтересовалась и собралась сделать заказ.

У меня с братьями Остаповыми, можно сказать, свой бизнес. Парни в какой-то момент решили заняться изготовлением мебели, а я у них вроде менеджера, бухгалтера, секретаря, короче, все понемногу. Не скажу, что у нас прямо-таки много заказов, но на то, чтобы покрыть аренду и немного получить себе, хватает. Но мы только в начале пути, а так как у парней руки растут откуда надо, уверена, потихоньку сможем раскрутить бизнес.

Так вот, девушка, что заглянула днём, сказала, что они с отцом переехали в наш город в новую квартиру, которую Марина, так ее зовут, хочет обставить по собственному вкусу. Сделать мебель на целую квартиру – это же шикарно, к тому же из хороших материалов. Естественно, мы вцепились в девчонку все сразу, Глеб с Саввой буквально растекались перед ней, и в итоге она сказала, что обсудит детали с отцом, и мы заключим договор. Ну вот и собственно отец.

– Да, была такая, – киваю на его слова. Черт, не очень я представительно выглядела в момент встречи. Надеюсь, не испортила впечатление.

– Так вот, у меня к вам предложение, – мужчина переводит взгляд на мою грудь, и я снова смущаюсь, не сразу пони-

мая, что он смотрит на бейдж, – Алевтина, – говорит вкрадчиво, – давайте сделаем так: я заплачу вам некоторую сумму, скажем, такую, – достав телефон, он набирает на экране цифры, а после демонстрирует мне. Я в изумлении вылупляю на него глаза. Сумма очень внушительная.

– Так вот, Алевтина, – усмехается мужчина на мою реакцию, – вы получите эти деньги прямо сейчас, если завтра откажете моей дочери в заказе.

Теперь я молча хлопаю глазами. Вот ничего не понимаю, вообще ничего.

– А... – начинаю было, но он перебивает.

– Думайте быстрее, я спешу.

– Но почему вы это делаете? У нас отличное качество материалов, и мастера тоже хорошие.

– Ага, видел, – усмехается мужчина, – как вы тут с ними обжимались. Меня слабо интересует, несколько веселая у вас шведская семья, но моей дочери все это ни к чему.

Злость заполняет меня снизу вверх, я сжимаю зубы, чтобы не выругаться, хотя почему бы и нет?! Вот ведь напыщенный индюк. Что он видел? Как ребята меня подкалывали? И решил, что я с ними?... Вот гад!

– Думайте быстрее, Алевтина. Я в любом случае не пущу сюда свою дочь, а так мы можем договориться и разойтись полюбовно.

Я сверлю его несколько секунд взглядом, он отлично видит моё негодование, только вот оно его не трогает. Наконец

прикидываю перспективы. Положим, этот гадский папочка и впрямь найдёт другие способы воздействия, и заказа мы лишимся. Сейчас он хочет сделать это через нас, чтобы остаться чистеньким.

Отвратительный поступок, конечно, но сумма впечатляет. Мы сможем вложиться хорошо в рекламу, и вообще... Не крестить же мне детей с этой блондиночкой, в самом деле...

– Хорошо, я согласна, – говорю все же неохотно. Мужчина улыбается.

– Вот и умница.

Вот и гад!

– Семьдесят процентов перевожу сейчас, – продолжает он по-деловому, – остальное после отказа. Давайте номер карты.

– По номеру телефона, – я недовольно бурчу цифры, которые он забивает в мобильное приложение банка. Почти тут же пикает мой телефон.

– Алевтина Евгеньевна З. З – это злюка? – интересуется насмешливо.

Бросив взгляд на экран, отвечаю:

– Конечно, Роман Андреевич Г. А Г – это, боюсь спросить, то самое?

Он пронзает меня таким взглядом, что я должна бы сейчас же превратиться в ледяную статую.

Убрав телефон в карман, холодно произносит:

– Надеюсь, вы все сделаете правильно, Алевтина Евге-

ньевна. Хорошего вечера.

И не дожидаясь моего ответа, разворачивается и уходит. Звякает колокольчик, через наполовину стеклянную дверь вижу спину мужчины и, не удержавшись, показываю язык. В тот самый момент, когда он оборачивается. Мне снова становится дико стыдно, хотя мужчина только усмехается, качая головой, и быстро уходит.

Я сажусь в кресло. Нет, ну что это вообще сейчас было?

Глава 2

До дома иду в некоторой растерянности. Все это так неожиданно случилось, что я даже не успела толком осмыслить. Не иначе как этот мужчина задурманил мне мозг. Ну... или его деньги. Такую сумму на халяву получаю далеко не каждый день. Наверняка Роман Андреевич Г. решил, что я меркантильная особа, к тому же легких нравов. Нет, ну надо такое придумать: шведская семья! По себе что ли судит? А что, у такого мужчины точно женщин целая куча, кольца на пальце нет, так что... можно и шведскую семью заводить.

Хихикаю между прилавков магазина этим мыслям, дородная дамочка косится с неодобрением. Взяв ряженку и пару булочек, отправляюсь к себе, моя квартира находится в этом же доме. Очень повезло в своё время купить её дешево, она расположена одновременно и рядом с работой, и рядом с институтом. Правда, идти надо в разные стороны, но это мелочи, в конце концов, мне всего двадцать два, здоровья хватает, а ходьба полезна.

Захожу в темную прихожую, закрывшись и скинув балетки, делаю пару шагов и попадаю в единственную небольшую комнатуху. Готовить не хочется, потому, пока грузится ноутбук, уминаю булки с ряженкой. Нет, надо все-таки начать правильно питаться. Когда-нибудь.

Загружаю дипломную работу, которую делаю на заказ вы-

пускнице заочного – ещё один способ заработать.

До одиннадцати пишу, и, наверное, засиделась бы дольше, но примерно в это время звонит мобильный. Взглянув на экран, быстро морщусь, но трубку снимаю.

– Привет, – слышу мужской голос. Ответа от меня не требуется, он продолжает: – Звоню сказать, что мы вернулись. Вот с полчаса, как домой зашли.

Спросить, как долетели, или не будем никого обманывать притворной вежливостью?

Пока думаю, он продолжает:

– Спасибо, что кормила Филиппа, он не скучал? Выглядит весёлым.

Да этот котяра просто псих, как и его хозяйка.

– Пожалуйста, – говорю коротко, – кстати, консьерж считает меня вашей домработницей. Я не стала его переубеждать.

– Аля... – теперь голос звучит даже как будто расстроено. – Ну зачем ты так? Я ведь пытаюсь... – замаявшись на мгновение, продолжает: – Я скажу ему, что ты моя дочь.

– Ладно, спокойной ночи, – закругляю я разговор.

Он скомкано прощается, и я первой вешаю трубку. Откинувшись в компьютерном кресле, прикрываю глаза. Вдыхаю, выдыхаю. Ну вышло неплохо.

Поднявшись, иду в душ, решив на сегодня закончить. Надо за пару дней добить эту работу, начнётся учеба, мне надо

влиться в новый поток, и так год пропустила. Да и там другие заказы пойдут.

Утром неожиданно просыпаю, потому на работу почти бегу. Обычно с утра клиентов не бывает, если только по договоренности, но все равно опаздывать не хочется. Тем более парни приходят только в начале двенадцатого. Ещё их обрадую неожиданно свалившейся суммой денег, ну и обломом с заказом.

Марине я собираюсь позвонить в обед, но мои планы меняются независимо от желаний. Только успеваю поднять жалюзи и включить рабочий компьютер, когда звякает колокольчик. В дверях не кто иной, как Марина собственной персоной. Вообще, она красивая, не поспоришь. Неуловимо похожа на отца, хотя черты лица более резкие, ну и волосы светлые.

– Доброе утро, – девушка широко улыбается, оглядывая пространство. – А я к вам, обсудить заказ.

– Ребята приходят после одиннадцати, – вежливо отвечаю, – ну и в целом, хотела вам позвонить позже... К сожалению, мы не сможем взяться за ваш заказ.

Лицо девушки принимает страдальческое выражение.

– Почему? – задает вопрос с обидой в голосе.

– У нас сейчас несколько срочных крупных заказов, так что за ваш мы сможем взяться не раньше, чем через три-четыре месяца. Ну и плюс время изготовления... Не думаю, что вы готовы так долго жить без мебели.

Девушка обиженно надувает губы, молчит, глядя в стену. Нет, ну чего так расстраиваться, а? Подумаешь, отказали в заказе.

– Может, хотите чаю или кофе? – предлагаю, чтобы как-то сгладить ситуацию.

Девушка соглашается. Провожу ее к небольшому столику в углу, а сама скрываюсь в подсобке. Вскоре появляюсь с двумя чашками зеленого чая и блюдцем с печеньем.

– Не переживайте так, Марина, – говорю девушке, – уверена, вы найдёте отличную мебель в каком-нибудь магазине.

Девушка, вздохнув, усмехается.

– Конечно, найду, – говорит мне, откусывая печенье. – Но дело совсем не в мебели.

– В смысле?

– Ну... Если честно, я надеялась, что мы будем общаться. Я имею в виду, и вас, и ребят... Только не считайте меня ненормальной. Понимаете, мы ведь только переехали сюда, и мой отец... Он очень строгий, помешан на том, чтобы ограждать меня от всех подряд.

Вот в это охотно верю, одной короткой встречи хватило, чтобы понять.

– Я понимаю, что он делает это из любви ко мне, но блин... Я уже взрослая! И он перегибает палку. А тут дал согласие, понимаете? Разрешил мне делать мебель на заказ и следить за процессом.

Ага, разрешил. Весьма условно так. Не только строгий,

ещё и хитрый, и почти наверняка вредный.

– То есть вы хотели не мебель, а друзей? – спрашиваю в итоге.

– Мебель мне, правда, понравилась, – начинает она тут же. Ага, но парни больше. Не уверена, что девушка вообще помнит, как меня зовут, а бейдж я ещё не успела надеть. – Но да, свои личные цели я тоже преследовала. Нет, я не претендую на дружбу... Но мне так не хватает просто общения. А мы так здорово вчера поболтали.

Я вздыхаю, глядя в свою чашку. Внутри борются два противоположных мнения. Первое заключается в том, что меня это вообще не касается, и мне за это «не касается» даже денег заплатили. Второе... Девчонку жаль. Я ведь могу вернуть деньги, сказать, что передумала. Только уверена, отец Марины тут же надавит на неё, и я лишусь и денег, и заказа. Может, просто позвать девушку в кафе, взять ребят? Ага, представляю лицо её отца, который именно от этого дочурку пытается оградить. Нет, настолько подставляться я не хочу. Но взять заказ ведь могу? Вдруг папочка сменит гнев на милость, а там, глядишь, Марина найдёт других друзей, и мы ей уже не будем нужны.

Постучав пальцами по столу, натягиваю улыбку. Не очень, наверное, правильно с моей стороны, но с этим разберёмся позже.

– Знаете, Марина, я постараюсь договориться с заказчиками, и мы возьмём ваш заказ.

Девушка изумлённо распахивает глаза.

– Вы... Серьёзно? – на мой кивок она бросается на меня с объятиями. Похлопав ее по спине, отстраняюсь. Ох, Алевтина Завьялова, чувствую, ты сейчас совершила большую ошибку.

Глава 3

Роман

День обещал быть хорошим.

Во-первых, Березин, мой институтский товарищ, согласился на продажу части своего бизнеса. Он довольно неплохо раскрутился для такого небольшого городка, впрочем, программист он всегда был отчаянный, а тут удачно сложилось: сумел устроиться на железную дорогу. Теперь его фирма обеспечивает там программное обеспечение. Сам Березин хочет расширяться, нужны деньги, вот я и предложил ему выкупить долю. Влезать сейчас в новый бизнес желания нет, цели моего возвращения на малую родину другие. Московский бизнес отлажен, приносит свой доход, таким образом я могу спокойно находиться здесь, не думая о том, как заработать на хлеб насущный.

Во-вторых, московский товарищ порадовал: меня взяли в местный институт, и не просто преподавателем, заведующим кафедры литературы! Я на такое и не рассчитывал, вообще думал, ничего не получится, и с преподаванием придётся пока завязать. Опыт у меня приличный, и в хороших московских вузах, но местный ректор меня не любит. Точнее, не

любил, когда я тут учился, и сделал все, чтобы я не остался в институте, хотя у меня были тогда обширные планы. Но на самом деле стоит сказать Андропову спасибо. Останься я тогда здесь, не было бы ни Москвы, ни карьеры.

В-третьих, сегодня решится вопрос с этой дурной Мариной идеей. Мне сразу не понравился ее энтузиазм с мебелью на заказ, а когда увидел этих двух лбов, зажимающих девчонку, причины дочернего интереса стали понятны. Однозначно нет. Хорошо, что девчонка из салона оказалась стоворчивой, хотя и выглядела злокой. Но я-то знаю, что все покупается и продаётся, вот и она сразу сдала позиции, услышав озвученную сумму. Нет, я в этом и не сомневался, но почему-то кольнуло разочарованием. Девчонка на вид была бунтаркой, своевольной, дерзкой, гордой. А по факту...

Звонок на мобильный вырывает меня из мыслей. Бросаю взгляд на экран: дочь. Отлично, поплачется, что отказали, и я останусь хорошим. И так у нас последнее время что-то слишком напряженные отношения.

– Да, Марин, – снимаю трубку, перестраиваясь в правый ряд. – Сходила в салон?

– Да! Все отлично, пап, они берутся за заказ, как раз сейчас будем все обсуждать, мастера подъехали вот.

Она ещё что-то щебечет, а я стискиваю зубы. Какого черта? Девчонка меня обманула! Взяла деньги и не выполнила условий! Она что, рассчитывала, что я не узнаю? Или что это все значит? Почти прошу передать трубку девчонке, но сам

себя одергиваю. Нет, я переговорю с ней лично и не в присутствии дочери. Если она думает, что может мной крутить, то сильно ошибается.

– Ты меня слушаешь?

Поднимаю на Березина глаза и, поморщившись, тру переносицу.

– Извини, Макс, проблемы некоторые с дочерью.

Друг усмехается.

– Надеюсь, я все-таки увижу человека, выращенного лично Романом Гордеевым? Или ты так и будешь ее прятать?

– Я не прячу, – усмехаюсь в ответ. – Просто из-за переезда все некогда.

– Я через неделю свалю за бугор, – напоминает, смеясь, Макс. Как будто я не знаю. – Может, хоть в ресторан выберемся семьями?

Я соглашаюсь, чтобы отвязаться. Забот сейчас столько, что пока мне не до ужинов, ну да ладно, один вечер можно выбраться и расслабиться. Главное, не забыть. Да уж Макс не даст.

После друга еду к отцу, он все ещё живёт в нашей квартирке в старом городе, хотя я неоднократно предлагал ему купить новую ближе к центру. Но он упёрся рогом, как жители деревень, которые всю жизнь не двигаются с места, даже если война придёт, там останутся. Вот и отец такой.

А я понимаю, сейчас, когда мамы больше нет, не могу

оставить его одного. Вот и решил хотя бы на полгода переехать сюда. Каюсь, преследую цель таки уговорить его поехать в Москву, потому что жить здесь всегда я не смогу. Привык к большим пространствам, к быстрому ритму жизни, тут все, кажется, ходят еле-еле. Хотя дел у меня невпроорот, все-таки переезд. И Марина. Марина, дочь, достаточно взрослая, чтобы бунтовать, и недостаточно взрослая, чтобы не натворить глупостей. Очень похожа на свою мать, что странно, ведь та не воспитывала её ни минуты.

Невольно вспоминаю вчерашнюю девчонку из салона. Не понимаю, что за финт она выкинула, сначала согласившись, а потом молча уйдя в отказ? Может, Маринка ей чего наобещала? Вполне могла горы золотые, вот та и купилась. Как будто не понимает, что эти горы тоже из моего кармана будут.

Даже не замечая, как доезжаю до дома отца за всеми этими мыслями.

– Смотри проще, – хмыкает он, открыв дверь.

Развернувшись, развалистой походкой двигает в комнату. Качаю головой. Не скажу, что у нас простые отношения.

В квартире до сих пор ощущение смерти. Как отец тут живёт – не представляю. Я бы точно съехал как можно скорее, просто удрал бы к чёртовой матери. Он на это сказал: куда я от неё? Всю жизнь вместе.

Меня тогда эти слова так пробрали, что я отстал. А потом переехал.

Отец заваривает чай, пока я задумчиво пялюсь в окно.

– Ты слишком много думаешь, – говорит ворчливо, ставя передо мной чашку. Усмехаюсь.

– Размышляю, анализирую.

Отец хмыкает.

– Вот как ты такой расчетливый преподаешь литературу, там же чувства.

– Все чувства давно изучены, пап, рассмотрены под микроскопом, разложены на истины. Все, что нужно, просто правильно рассказать. Так, чтобы заинтересовать.

Отец только кивает, постукивая пальцами по чашке.

– Скучаешь по ней? – спрашиваю неожиданно для себя.

Отец застывает взглядом, вздыхает.

– Скучаю – не то слово, Ром.

Молчим, пьём чай, больше для того, чтобы загасить возникшую тишину хотя бы каким-то движением.

Ухожу через полчаса с тяжелым чувством. Не уверен вот, что папе вообще это все нужно сейчас: я, Маринка... С другой стороны, жить как-то дальше надо. Отец на пенсии, куда ему силы направлять? Тут хоть мы. Да и уход за ним нужен, у него сахарный диабет плюс проблемы со спиной. Я, конечно, планирую нанять кого-то, чтобы периодически его проверять, помогать, но это все равно человек со стороны. А хочется, чтобы рядом с ним был кто-то близкий.

Звоню дочери, она уже дома, отлично, самое время заехать в этот подпольный мебельный салон.

Резко открываю дверь, тут же натываясь взглядом на девочку. Вздвигаю брови в удивлении. Серьезно? Короткий джинсовый комбинезон поверх футболки? Очень строгий стиль, явная заявка на успех. Хотя ножки у девочки ничего. И грудь тоже.

Алевтина, кстати, складывает на ней руки и, когда я поднимаю наконец взгляд на её лицо, язвительно спрашивает:

– Насмотрелись?

Глава 4

Честно сказать, когда он входит, я даже облегченно выдыхаю. Терпеть не могу быть в таких ситуациях, лучше сразу объясниться. Впрочем, вряд ли мужчина будет доволен при любом раскладе. Ведь я ломаю его планы. И кстати, зачем это делаю, сама толком не понимаю. Деньги я сняла в банкомате, положила в конверт.

Ребята в мастерской занимаются заказом, который надо сдать через неделю, а потом можно заняться Марининым. Если, конечно, прямо сейчас он не накроется.

Хочу сохранить невозмутимость, но мужчина тут же выбивает из колеи, потому что окидывает таким взглядом... Ну по-мужски так. И против воли почему-то внутри что-то екает, подрагивает, и сердце замирает, ожидая вердикта: понравлюсь или нет. Такому, как Роман Андреевич Г. хочет понравиться любая женщина. Тут же одергиваю себя: я не любая, и совершенно точно, этот мужчина не заслуживает подобного трепета. Складываю на груди руки, и когда взгляд наконец застывает на моих глазах, насмешливо интересуюсь:

– Насмотрелись?

Мужчина усмехается в ответ.

– Вы выглядите, как пятиклассница, Алевтина Евгеньевна Злюка. К тому же для менеджера, нацеленного на успех, это не самый лучший вариант одежды.

Стискиваю зубы, чтобы не показать, как злюсь. Вот вре-
зать бы ему прямо по холёному лицу, чтобы сбить эту спесь.
Вместо этого я молча прохожу к столу, вытащив из ящика
конверт, протягиваю в сторону мужчины. Он стоит, сунув
руки в карманы джинсов, разглядывает меня то ли с насмеш-
кой, то ли с недовольством.

– Вот ваши деньги, – делаю небольшой взмах рукой, не
двигаясь с места, нас разделяет пара метров, и никто не стре-
мится сокращать расстояние. – Сделка отменяется. Прости-
те.

Последнее слово выдавливаю из себя из вежливости. Не
думаю, что ему нужны мои извинения, да и вряд ли они ис-
кренне звучат.

– А причину узнать можно? – мужчина не двигается с ме-
ста, я начинаю чувствовать себя нелепо с вытянутой рукой.

Опускаю её, говоря:

– Просто не считаю для себя возможным обманывать де-
вушку. И не считаю, что наши мастера могут на неё плохо
повлиять. Так что заберите деньги, и будем считать, что вче-
рашнего разговора не было.

Вот теперь он идёт. Медленно так движется на меня, гля-
дя в упор, я поневоле отступаю, даже не осознавая этого, по-
ка не упираюсь попой в край столешницы. Мужчина оказы-
вается напротив, непозволительно близко, продолжая смот-
реть. Сердце совсем обезумело, кажется, не знает, то ли оста-
новиться, то ли из груди выпрыгнуть. Чувствую, как ноздри

дразнит терпкий, но свежий аромат туалетной воды, мне теперь ещё не дышать, что ли, а то ведь и голова закружится. Какие у него длинные пушистые ресницы, и такие пухлые губы, легкая щетина придаёт особую притягательность образу. Я нервно сглатываю, чувствуя, как сильно пальцы сжимают злосчастный конверт.

– Забирайте деньги и уходите, – выдаю эти слова, чувствуя, что дыхания не хватает. Мужчина снова усмехается.

– Тебе не говорили, что ты похожа на зайца, Злюка? – спрашивает, выпрямляясь, а мне в лицо ударяет краска, снова сжимаю конверт в руках.

Смущение отходит на второй план, уступая место злости. Есть у меня такая беда, в детстве обзывали кроликом из-за приподнятой верхней губы. Я комплексовала, да и сейчас порой бывает. Вот из-за таких субъектов.

– А вам никто не говорил, что вы старый зануда?

Да, дурацкий выпад, намеренно хочу задеть мужчину, который прекрасно знает себе цену. И вряд ли зажатая девчонка в костюме пятиклассницы, как он выразился раньше, может повлиять на его самооценку.

Мужчина мгновение шурится, глядя на меня, а потом тянет из рук конверт, я не сразу соображаю, все ещё крепко держа его.

– Деньги отдайте, – бросает он, я быстро отпускаю конверт. Внутри мужчина не заглядывает.

– Уверен, там все, а если нет – вам же хуже, – развернув-

шись, идёт к двери и, уже толкнув ее, оборачивается: – Зря ты так поступила, Злюка, заказ Марины я отменяю.

– Вы не имеете права! – срывается против воли. Мужчина усмехается. – В таком случае скажите ей об этом сами.

Сверлю его взглядом, но он остаётся непробиваемым.

– Скажу, – произносит в итоге и уделяется. Ну вот и все. Офигенно. Ни денег, ни заказа. Вот не дура ли я, а? Из странного желания помочь Марине подставила себя. Да и ребят по факту тоже. Вот они обрадуются, когда узнают.

И тем не менее, решаю им пока ничего не говорить. Лучше подожду звонка от Марины, ведь отец должен сообщить ей, что отменил заказ. Кусаю нижнюю губу, кажется, я зачем-то влезла в чужие семейные отношения. Вот оно мне надо было вообще, а?

Рабочий день проходит в волнении. Сама не знаю, чего жду, но то и дело поглядываю то на дверь, то на телефон. Жду, что Марина позвонит и отменит заказ. Но в итоге около пяти девушка появляется сама. Одного взгляда хватает, чтобы понять: Марина злится. Очень злится. Тяжело дыша, так что грудь призывно вздымается под футболкой, она размашисто проходит к столику для посетителей, за которым сейчас только я.

– Отец был у вас, да? – спрашивает сходу, я киваю, приглядываясь к ней. С этого хама станется наболтать какой-нибудь ерунды, выставив нас виноватыми.

Марина порывисто выдыхает, почти падая на диван.

– Я так и знала, что он все испортит! Он мне заявил, что ваша контора ненадежная, и он не собирается с вами связываться. Нормально, да? О каком тогда доверии речь? Он ведь сам, сам дал мне свободу в подборе мебели, а вот что в итоге! Он не хочет! Можно подумать, я хотела сюда переезжать из Москвы? Торчать в этом городе без друзей и перспектив, потому что ему взбрело в голову...

Кажется, девушка понимает, что заболталась, потому что обрывает свою речь на полуслове.

– Ладно, извини, Аля. Я просто на эмоциях, не должна была вываливать все это...

Я понимающе киваю, подвигая к ней тарелочку с печеньем.

– Может, водички? – задаю вопрос, но Марина только отмахивается, начиная грызть печенье.

– Значит, заказа не будет, я правильно понимаю? – спрашиваю ее.

– Ещё как будет, – Марина отвечает с лёгким злорадством.

– А кто его оплатит? – спрашиваю осторожно. Все-таки сумма выходит внушительная. Этот вопрос немного охлаждает пыл девушки. Закусив губу, она пару секунд соображает, потом говорит:

– Давайте оставим заказ на мою комнату... У меня есть кое-какие сбережения, а отец пусть сам обставляет остальное, если ему так припекает от моего выбора, – фыркает, засовывая в рот ещё одну печенку.

– Хорошо, – соглашаюсь я, – тогда сделаю заказ материалов только на твою комнату. Предоплата завтра, как и договаривались?

– Да, завтра занесу, пришли мне тогда новую сумму в месенджер, ладно?

Ответить не успеваю, потому что из мастерской показывается Савва. Марина тут же подсказывает и скользит по нему взглядом. В общем-то, парни у нас красавцы, есть на что посмотреть, но все равно я напрягаюсь. Откуда мне знать, может, отец неспроста волнуется за свою дочку? Надо бы за ними присмотреть...

– Марина, привет, – Савва широко улыбается, демонстрируя радушие, – что-то случилось?

Я вкратце рассказываю, что мы урезали проект. Савва, если и огорчён, то виду не показывает.

– Слушай, Марина, а что ты делаешь в пятницу вечером? – спрашивает вдруг и, не дождавшись ответа, продолжает: – Не хочешь сходить в клуб? У нас собирается небольшая компания, можешь присоединиться.

Я мысленно закатываю глаза, вот друг детства совсем мне сейчас не помогает. Марина, конечно, соглашается, радуется, хлопая в ладоши, правда, после того, как Савва уходит.

Так, с парнями точно переговорить не помешает. Они у меня ещё те ловеласы.

– Ты тоже идёшь? – задаёт вопрос Марина.

Обычно я на подобные мероприятия не хожу, и вообще

клубы и отрыв это не моё, но в этот раз зачем-то брякаю:

– Ага.

– Весело будет, – мечтательно тянет девушка, а я мысленно добавляю: очень весело.

Глава 5

Роман

Естественно, Маринка вспылила. Ругалась, доказывала свою правоту. Я молчал. Обозвала меня глухой стеной и убежала. По-дурацки, конечно, вышло, но теперь и вовсе не хочется отступать. Дам слабинку, она будет знать, что может добиться своего истерикой. Ну или будет пытаться это сделать.

Вот ведь дебильная мебель – бабы могут создать скандал на пустом месте. Я что, не имею права хотеть мебель другого качества? Нет, надо было развести речи о доверии, которое я оказал, но на самом деле не оказал. Бред какой, что за доверие, когда я прекрасно знаю, что ее тянет туда из-за этих двух мастеров со смазливymi лицами?

Еду в институт в плохом настроении, вчера дочь вернулась быстро, но разговаривать отказалась, заявив только, что к выбору мебели больше не прикоснется. Теперь мне ещё этим заниматься.

А главное, задним умом понимаю: надо было согласиться, просто проследить, чтобы руки никто не распускал. Если бы Злюка меня не подвела своими выкрутасами, все вообще было бы отлично. Но нет же, выставила зубки... Вспомнил

ее недовольное лицо, когда она возвращала мне деньги. Как же она меня выбесила. Всю дорогу бесился, и вместо того, чтобы соображать рационально, сходу заявил Марине, что мебельный салон отменяется. Резко обрубал все выпады, ну и теперь... Имею то, что имею. То есть ничего хорошего. Будем надеяться, что она отойдёт, и мы спокойно обо всем договоримся.

Институт огорожен решетчатым забором, приходится парковаться поблизости, во дворе, так как на основной дороге трамвайные рельсы и стоять там нельзя. Народу возле здания немного, все-таки учебный год только завтра начинается. На входе охранник долго и нудно расспрашивает, куда я направляюсь. В списках меня не значится, впрочем, неудивительно. По-моему, тут всегда был бардак, в моё время и охранника не было, шлелись все, кому не лень.

В итоге он вызванивает деканат филфака, и меня наконец пропускают. Захожу в вестибюль, с любопытством осматриваясь, все-таки столько лет не был тут. В целом, ничего особенно не изменилось, ремонт сделали, возможно, не раз, а так... все такое знакомое, но при этом уже не моё, не родное. Да уж, забавные ощущения. Такие же меня посещают от самого города, причём уже довольно давно. Москва стала родной, но в целом я спокойно отношусь к тому, что буду жить здесь какое-то время. Это даже интересно.

Деканом филфака оказывается женщина лет сорока пяти, полноватая, но ухоженная, а ещё явно нервничающая. Ири-

на Николаевна, так она представилась, то и дело оправляет блузку, улыбаясь. Сбивчиво говорит, что очень рада. Так и не поверишь.

– Ирина Николаевна, я что, такой страшный? – спрашиваю с улыбкой. Женщина теряется.

– Нет, что вы... – она окидывает меня быстрым взглядом и даже как будто смущается. Потом вздыхает, качая головой, и выдаёт: – Нас не предупредили о вашем переводе к нам. Позвонили буквально только что, сообщили. Нет, мы, конечно, рады, вопрос с преподавателем стоял весьма остро... Просто не готовы.

– Ничего страшного. Я зашёл познакомиться, работать начнём завтра, как и решать все рабочие вопросы.

Ирина Николаевна выдыхает облегченно.

– Спасибо, Роман Андреевич. Надеюсь, вам у нас понравится.

Остаток времени я разбираюсь с документами в канцелярии института. Там тоже все немного взбудоражены. Ну да, вышло быстро и неожиданно, что поделаться.

Выхожу немного уставший от всей этой бумажной суеты. Звонок Макса настигает меня в машине по дороге к отцу.

– Ну что, Гордеев, – весело спрашивает друг, – завтра идём в ресторан? Познакомлю тебя с женой, ты дочь бери.

На сто процентов уверен, что Марина не пойдёт. Просто назло, особенно если скажу, что мне это важно. Тру переносицу.

– Я буду, Макс, только скинь адрес и время в мессенджер, ладно? Насчёт дочери не скажу, постараюсь... Она у меня с характером.

– Меня это не удивляет, – хмыкает Березин.

Отца, кстати, тоже. Он считает, Маринка своенравная, как и ее мать. И что вся моя идея с переездом ещё выйдет мне боком именно из-за дочери.

– Ни к чему все это, Ромка, – ворчит, попивая чай из кружки, внутренняя поверхность которой уже потемнела. Нечасто он ее моет, видимо. – Меня спасти не надо.

Я ничего не говорю. Потому что сам уже не понимаю, кого и от чего спасаю. Мама умерла неожиданно в один момент. Легла спать и не проснулась. Острая сердечная недостаточность – поставили диагноз. Не знал, как реагировать, когда отец разбудил меня звонком ранним утром. Не мог поверить. Она была такой молодой, такой активной, такой... мамой. Мы общались каждый день, приличное время, нам всегда было о чем поговорить, поспорить, посмеяться, поругаться... не важно, главное, всегда были эмоции и желание слышать друг друга.

С отцом никогда не был настолько близок. В моем детстве он с утра до ночи работал, потом учился и работал я. Каждый жил в общем-то сам по себе, а мама была тем самым связующим звеном, что объединяло всех нас. И когда ее резко не стало... сначала я не осознавал, дорога сюда, похороны, суэта первых дней... потом я вернулся в Москву, и настало

самое сложное: научиться жить как прежде, но без мамы. И вот тогда подумал об отце, о нас обоих. И решился на этот с виду безумный поступок: на время вернуться, чтобы быть рядом с ним. Полгода небольшой срок, а там будет видно.

Естественно, Марина отказалась идти в ресторан, демонстративно так, чтобы я понимал: это не из-за того, что ей не хочется, а потому что я повёл себя неуважительно.

Не уговариваю, молча собираюсь и уезжаю сам. Березин заказал столик аж на девять вечера, заведение явно новое и вполне приличное, правда, рядом почти вплотную ночной клуб, так что все время отирается народ, от которого не знаешь, чего ждать. Благо, у ресторана своя охраняемая парковка. Макс приходит с женой Настей, ей около сорока, миловидная блондинка, худощавая и добрая. Макс тоже обзавёлся ребёнком, его сыну сейчас одиннадцать, и он остался дома, как и моя дочь, которая не факт что разумнее этого мальчишки, судя по поведению.

На самом деле, посидели хорошо, выходим уже ближе к одиннадцати, возле клуба народу явно прибавилось. Макс закуривает, что-то рассказывая, я смотрю вперёд, на местную толпу молодежи. Рядом с клубом резко тормозит «Фольксваген», двери распахиваются, и на улицу вырывается громкая музыка вперемешку со смехом. Наблюдаю за вылезавшими сначала с любопытством, потом с удивлением, а потом налетает злость. Злюка, близнецы, ещё какой-то парень и... моя дочь!

Глава 6

Роман

– Эй, Гордеев, – толкает меня в бок Макс, – на молодняк потянуло? А вон та в клетчатой юбке ничего. По крайней мере, вид сзади.

Хмурюсь, возвращаясь взглядом к клетчатой юбке. Злюка собственной персоной. И опять оделась, как школьница. Только очень порочная. Короткая клетчатая юбка, сетчатая кофта, под которой из одежды видна только темная полоска лифчика, тяжелые ботфорты на ногах и два высоких хвоста на голове. Ещё чупа-чупс в рот осталось засунуть для полноты образа. Что за психологические проблемы у неё в башке, если в половозрелом возрасте тянет выглядеть малолеткой?

Ладно, сексуальной малолеткой. Настолько, что Макс отметил именно ее, а не мою дочь, на которой вместо платья чёрный короткий лоскут, а каблуки на туфлях километровые. Раскрас, подозреваю, тоже боевой. Даже не знаю, кого хочу больше убить: Марину или Злюку, которая прекрасно знает, что я хочу отвадить дочь от этих парней.

К нам подходит Настя, берет Макса под руку.

– Едем? – задаёт вопрос.

– Да, ну мы погнали, Ромыч.

Мы пожимаем руки и прощаемся. Я медленно иду в сторону машины, наблюдая, как компания заходит в клуб. Когда машина Березина уезжает, меняю направление и топаю в сторону гроыхающего и светящегося здания. Пропускают меня сразу, окинув быстрым взглядом. Внутри громкая музыка, довольно душно, сразу расстегиваю пару пуговиц на рубашке.

Прохожусь в толпе, присматриваясь. Дочь нахожу не сразу: их компания разместилась в самом углу за столиком, где уже были парни и девушки. Естественно, подходить к Марине не планирую, как и уводить из клуба, однако пристраиваюсь неподалёку, присматриваясь.

Злюка сидит спиной ко мне, один из близнецов закинул ей руку на плечи и что-то втирает на ухо. Она слушает его расслабленно, никакого стеснения. Чем больше наблюдаю, тем яснее понимаю: я дал маху насчет шведской семьи. Вижу прикосновения, жесты, реакции и понимаю, что они просто друзья, и ничего между ними никогда не было.

Понятно, почему Злюка так отреагировала на мои слова. Тру переносицу. Марина сидит ко мне полубоком, пьёт коктейль. Ещё немного наблюдаю, пока компания не идёт на танцпол, Злюка уверенно движется в сторону коридора. Иду не спеша за ней. В коридоре, как и предположил сразу, туалеты. Ладно, поговорю с девчонкой нормально и отправлюсь домой. Застываю чуть в стороне, из мужского туалета выхо-

дит подвыпившая гурьба, стоят, громко смеясь и матерясь. Почему-то совсем не удивляюсь, что они цепляются к Злюке, как только она выходит. Она пытается быстро пройти мимо, но они окружают ее, улюлюкая.

– Отпустите, – слышу голос девчонки и решаю вмешаться. Подхожу и говорю:

– Разошлись, парни, она со мной.

Они сначала окидывают меня дерзкими взглядами, но что-то подсказывает, что связываться со мной не стоит. Отпустив Алевтину, уходят, девушка смотрит на меня во все глаза.

– Что вы здесь делаете? – спрашивает, как только мы остаёмся одни.

– Могла бы и спасибо сказать, – усмехаюсь в ответ. Она на мгновение смущается, поджимая губы, потом качает головой.

– Спасибо, – выдаёт в итоге, – вы вообще понимаете, что если Марина вас тут увидит... Зачем вы развели такой контроль? Так невозможно жить, вы этого не понимаете?

– Эй, полегче, – усмехаюсь на её тираду, – я вообще-то не знал, что она собирается в клуб, и как видишь, ещё не утащил её домой. Слушай, Злюка, – говорю по инерции, девчонка пыхтит, хмурясь, – ладно, Зайка, – усмехаюсь на это, – тем более, ты сегодня почти с ушами.

Девчонка по инерции трогает свои хвосты, продолжая хмуриться.

– У меня к тебе предложение.

– Очередное? – она усмехается, упирая руки в бока, я опускаю взгляд: нет, Злюка не утруждает себя бюстгальтерами, на ней короткий хлопковый топик, который отлично подчеркивает грудь. Я бы сказал, детально. На мгновение думаю: я всерьез собираюсь просить о помощи ее? Шатающуюся по ночным клубам, одевающуюся, как малолетка, которая мечтает, чтобы её завалили? Да и характер у неё вздорный... но так как больше некого, все же произношу:

– Присмотри за Мариной, чтобы она не нашла приключений на одно место.

– Я? – удивляется она. – Вы это как себе представляете? Мы с ней даже не подруги.

– По мере возможности. Ну и буду признателен, если попросишь своих друзей не лезть к моей дочери.

– А зачем мне это, не подскажете? – ехидно интересуется Злюка.

– Я заплачу.

Несколько секунд она недоуменно моргает, словно не веря, что я именно это сказал, или ждёт, что добавлю что-нибудь ещё. Поняв, что нет, тяжело выдыхает, злится, точно злится.

– Знаете что, – выставляет палец вперёд, – перестаньте думать, что все продаётся и покупается, а ещё начните доверять дочери. И не стройте козни за её спиной, понятно?

Она тычет пальцем мне в грудь, с силой так, а потом

обходит и удаляется. Повернувшись, наблюдаю за ней, пока стройные ножки не скрываются за поворотом. Вздохнув, прислоняюсь к стене, тяжело выдыхая. Кто бы мне сказал, что ребёнок в восемнадцать приносит куда больше переживаний, чем в пять? Тогда все время казалось, вот сейчас ещё чуть-чуть подрастёт, и станет легче. Становилось. В чем-то. Но тут же появлялось что-то, в чем становилось тяжелее. И так, по всей видимости, до бесконечности.

Иду по коридору, думая о том, что мне самому расслабиться не помешает. А собственно, почему бы не снять здесь какую-нибудь девчонку и хорошо провести время этой ночью?

Выхожу в зал и оглядываюсь именно с этой целью. Вижу ту самую почти сразу: кудрявая блондинка около тридцати, немного навеселе и готова к приключениям. По крайней мере, улыбается зазывно.

Двигаю к ней, она тут же идёт навстречу.

– Привет, – говорю, улыбаясь, она отвечает тем же. – Скучаешь?

– Уже нет.

Усмехнувшись, притягиваю девушку к себе и начинаю говорить на ухо всякие глупости, в то же время убирая рукой ее волосы на другую сторону. Слегка касаюсь пальцами шеи, потом веду вниз по спине, чувствуя, как девушка глубоко вдыхает, как прогибается поясницу, когда мои пальцы скользят по ней. Поднимаю глаза и тут же натыкаюсь взглядом на

Злюку. Она стоит совсем рядом, у барной стойки, сжимая в руках бутылку с водой, смотрит на меня. Продолжаю что-то говорить на ухо, не сводя взгляда со Злюки, веду пальцами ниже, до края коротких джинсовых шорт, коснувшись голой кожи, легко глажу. А в голове какого-то черта крутится мысль: как Злюка бы реагировала на такие прикосновения?

Глава 7

Я так и знала, что ничего хорошего из этого не выйдет. Ещё когда Глеб, узнав, что я иду в клуб, демонстративно схватился за сердце, а потом заставил перечислить все мои варианты одежды. И все отмёл. Поход в клуб грозил сорваться, но тут Савва вспомнил, как для фотосессии я одевалась в Харли Квинн из фильма «Отряд самоубийц». Тут же было решено, что вариант беспроигрышный.

И вот я теперь стою в этом костюме среди пестрой толпы и плююсь на отца Марины, на то, как быстро и ловко он окучивает кудрявую девушку. Я не знаю, почему не могу уйти. Но все это выглядит так... завораживающе: его легкая многообещающая улыбка, взгляд, от которого можно растаять, что, видимо, и происходит сейчас с девушкой. Потому что она позволяет ему... да все она ему уже позволит, это понятно. Чего только я-то на это плююсь?

Даже сейчас, поймав его взгляд? Он что-то шепчет ей, а смотрит на меня, прямым взглядом в глаза, и я сама не понимаю, что происходит. Я как будто чувствую, что это не по её телу, а по моему скользят его пальцы. И почему-то воздуха в груди становится катастрофически мало, а кожа начинает гореть именно в этих местах. Тяжело дышу и приказываю себе отвести взгляд. И не отвожу. Как и он. Что он ей сейчас шепчет? Как будет ласкать этой ночью? Какая она классная,

отпадная, неповторимая?

Нервно облизываю пересохшие губы. И мужчина на мгновение опускает на них глаза, щурясь. А потом снова смотрит на меня. Знаю, это игра моего воображения, вряд ли в этой постоянной смене красок я могу видеть цвет его глаз, хотя мы стоим в стороне от танцпола. Но мне кажется, что они темнеют, а через мгновение мужчина, резко развернувшись, уходит, таща за собой кудрявую подругу. Я вдруг чувствую себя нелепо, с трудом открыв бутылку, выпиваю сразу почти половину.

Что это вообще сейчас было? Тряхнув головой, словно отгоняя наваждение, иду к столику. Марина сидит между Глебом и Саввой, весело смеётся, отмечаю, что она за время моего отсутствия успела выпить первый коктейль и уже допивает второй. Кажется, присмотр и впрямь не помешает. Сажусь рядом с Саввой и некоторое время молча наблюдаю.

Марина ведёт себя довольно развязно, хотя и не позволяет лишнего. Но симпатию, блин, выказывает обоим парням. Я понимаю, конечно, что они близнецы, но все-таки... Происходящее скоро начнёт тянуть на сюжет пошлых романов о любви на троих. Ребята таким, кстати, никогда не увлекались, и то, что сейчас они активно оказывают знаки внимания Марине, удивляет и напрягает одновременно. Потому утаскиваю Савву, чтобы расспросить.

– Ну чего ты, Аль, – тянет он, когда мы оказываемся рядом с курилкой, единственным местом, где не слышно музыку

так громко.

– Ты мне скажи чего, – строго отвечаю, – зачем вы с братом клеите Марину?

Он фыркает.

– Глупости какие.

– Савва, она наш клиент, и хоть заказ уменьшился, деньги все равно приличные. А вы можете запросто сами себе испортить репутацию.

– Ой, Аль, только не надо нравоучений, – морщится Савва, выглядывая в зал. – Девчонка явно не против замутить, в чем проблема.

В том, что ее отец оторвёт вам обоим мужское достоинство – думается мне.

– Даже если и так, вы чего на неё набросились вдвоём?

Савва заводит глаза, снова выглядывая за угол.

– Слушай, Аль, ты этими разговорами всю малину мне обломаешь, и Глеб выиграет.

– Выиграет? – переспрашиваю его. – Что значит выиграет? – догадка приходит тут же. – Вы что, поспорили, кто её первый?...

Не договариваю, Савва усмехается:

– Ну это уж как зайдёт, систер, а вообще мы поспорили на то, кого она выберет. Так что не бузи, мне надо идти.

Он сбегает, и я не успеваю схватить его за руку, хотя и пытаюсь. Вот ведь два засранца!

Нет, вообще они ребята хорошие, просто немного легко-

мысленные. И вот в данном конкретном случае это может выйти боком всем нам.

Когда я подхожу, Глеб ставит перед Мариной третий бокал. Вот уж точно перебор.

Сажусь опять рядом с Саввой, но теперь активно включаюсь в разговор, то и дело перетягивая внимание на себя. Марине это быстро надоедает, и она встаёт.

– Хочу танцевать, кто со мной?

Приходится идти, потому что эти два прохвоста, конечно, вскакивают следом.

Танцует Марина раскованно и сексуально, привлекая внимание окружающих. Даже хорошо, что мои оболтусы сейчас рядом. Плохо то, что то и дело пытаются прижаться. Ну прямо бутерброд какой-то... неправильный.

Слежу за этой троицей, как курица за цыплятами, не позволяя лишнего. Даже кулак Глебу показываю, он только глаза закатывает, но слушается. Хорошо, что отец Марины уехал и не видит всего этого безобразия. На мгновение в голове мелькает картинка, чем сейчас занимается он сам, я трясую головой, чтобы отогнать ее.

Меня это все не касается. Кончится вечер, я пропесочу парням мозг и забуду обо всей этой семейке.

Я почти заталкиваю пьяную девушку в такси, и только когда она уезжает от клуба, смотрю на ребят.

– Весь кайф обломала, – ворчит Глеб, я качаю головой.

– Ребята, авторитетно заявляю, что если вы прямо сейчас

не прекратите этот глупый спор, я завтра же аннулирую её заказ. Останетесь без денег, но будете горды собой. Что скажете?

– Боже, в кого ты такая зануда, – Глеб кладёт руку мне на плечи.

– Ты меня понял, Глеб Семеныч? – спрашиваю сурово, они с братом переглядываются.

– Ладно, Завьялова, – вздыхает он, – твоя взяла. Хотя девчонка была не против.

– Да там таких пол клуба, бери не хочу. Так что не надо мне тут.

Мы едем домой, ребята подвозят меня. Смотрю в окно на ночной город и вспоминаю детство. Сколько помню себя, столько и Савву с Глебом. И несмотря ни на что, рада, что мы есть в жизнях друг друга.

Жалеть о клубе я начинаю под звонок будильника. Только тем, кто не учится, может прийти в голову отправиться тусить в ночь перед первым сентября. Нет, ну правда же. Хорошо, что я не пила, вот Марина, наверное, совсем не очень себя чувствует.

По итогу своим видом довольна: блузка, плиссированная юбка почти до колена, чешки и коса. Скромно, неброско, то, что надо.

Я немного волнуюсь, хоть и иду уже на пятый курс, да не на свой, пропустила год. Так что как ни крути – новые люди, с которыми придётся находить общий язык.

Народу на факультете много, все спуют, стоит гомон, хотя по расписанию здесь только первый курс, остальные придут в понедельник уже на учебу. С пятого несколько человек, которых попросила прийти декан, чтобы помочь. В том числе и я. Ирина Николаевна всегда ко мне хорошо относилась и обрадовалась, когда узнала, что я возвращаюсь доучиваться.

– Аля, здравствуй, – улыбается она мне, когда я заглядываю в кабинет. – Заходи. Как дела у тебя? Готова к учебному году? Ну да ты у нас умница, так что, конечно, готова, – она улыбается, но вижу, что нервничает. – Аля, тут такое дело, нам прислали преподавателя литературы, он же будет заведовать кафедрой. Все случилось неожиданно, а в его кабинете ну просто завал. Поможешь разобраться?

– Конечно, Ирина Николаевна, – улыбаюсь в ответ. – Нет проблем.

Глава 8

Роман

Марина падает на стул, морщась и хватаясь за виски. Я хмыкаю, подвинув к ней чашку кофе. Надо будет купить кофемашину – пока приходится варить в турке. И периодически мыть плиту после.

Дочь втягивает носом запах вместе с исходящих дымком, закрывает глаза. Она в большом махровом халате, с полотенцем, закрученным на голове, и весьма помятым лицом.

Делает глоток, не поднимая глаз. Думает, буду отчитывать. Не буду. А смысл? Ей и так сейчас плохо. Капать на мозги с похмелья – это отличительная женская черта, не мужская.

– Поторопись, а то опоздаем, – все же замечаю, бросая взгляд на часы. Она молча кивает.

– Ты не ночевал дома? – спрашивает меня.

– Приехал около пяти.

Кивает и молчит. Понимает, конечно, чем я занимался, но для неё это точно не новость, дома я так поступал постоянно. Допив кофе в один глоток, поднимаюсь.

– Выходим через двадцать пять минут.

– Так точно, босс, – вяло бормочет Марина в ответ, и я ухожу в комнату.

В который раз оглядываю полупустое пространство: матрас на полу, большую подставку с вешалками, на которых висят брюки, рубашки и пиджаки. Угол заставлен коробками с остальными вещами, разбирать их некогда. В другой ситуации я бы точно снял квартиру с меблировкой, но эта мне так понравилась, особенно на фоне всего того, что предлагалось ещё. В новом районе, хорошем доме, просторная двушка с большой кухней. Собственно, кроме кухни и санузла больше ничего и не было.

Марина загорелась идеей обставить все сама, потому я даже не занимался этим вопросом. Теперь, видимо, придётся. Так как свою комнату она тоже пока не обставляет, прихожу к выводу, что на неё она все же заказала мебель у этих одинаковых с лица. Невозможно упёртое создание.

Быстро переодеваюсь, вчерашние вещи кидаю в ванную – они пропахли женскими духами. Девчонка, кстати, оказалась вполне ничего, лишних вопросов не задавала, правильную из себя не строила. Секс... Секс был средний, ни хороший, ни плохой. Но повторить будет можно. Когда-нибудь.

В институте Марина сбегает от меня уже в холле, полном студентов. Ладно, не беда, далеко не убежит, у неё вводная лекция все равно на факультете, и мне, собственно, на тот же этаж. В одном крыле филфак, в другом иняз, куда и пошла дочь. Язык она знает неплохо, учила с первого класса, и по-

том проходила курсы дополнительно, так что поступила без проблем. Правда, особой радости ей это не принесло, потому что дочь хотела в рекламу. Но в пединституте с этим, само собой, туго, так что пришлось выбирать из того, что было. В целом, я лично доволен. Иностранный язык в современном мире востребован, да и Марина будет относительно рядом – на одном этаже.

Хорошо, что она идёт сюда сразу с первого курса, после московского вуза этот, конечно, показался бы ей дремучим. Зато когда вернёмся, она точно будет довольна. Но об этом сейчас рано думать.

Мне, кстати, институт нравится. Если ещё отклик по предмету будет, то вообще замечательно. Впрочем, заинтересовать я умею, этой черты не отнять.

Вижу в стороне ректора, Андропова, и некоторое время думаю: подойти или нет. В конце концов, прошло много лет и теперь между нами уже нет тех противоречий. На самом деле давно уже нет, но и это по большому счету роли не играет. Андропов постарел, сколько ему сейчас? Пятьдесят с небольшим. Выглядит неплохо, но на контрасте с образом, оставшимся в памяти, разница весьма заметна. Все-таки не подхожу. Друзьями мы не были, да и поддерживать разговоры ни о чем нет никакого желания. К тому же черт его знает, как он ко мне относится.

Поднимаюсь на последний этаж и осматриваюсь. В моё время и филфак, и иняз заполняли в основном девушки. Ка-

жется, в этом плане мало что изменилось.

Ирина Николаевна встречается меня с той же нервной улыбкой, что и в прошлый раз.

– Вы рано, – часто моргает накрашенными глазами.

– Это плохо? – вздергиваю бровь.

– Нет. Нет... Просто... – крутит в руках ручку. – Ваш кабинет ещё не совсем готов. То есть... Совсем не готов. – Обречённо вздохнув, указывает на дверь. – Идемте.

Мы проходим до поворота, в углу как раз кафедра, внутри в комнате большой овальный стол, занимающий почти все пространство. Вокруг стулья, вдоль одной стены стеллажи. Рядом с окном дверь в смежную комнату. Сейчас, кроме тщедушной старой девы под пятьдесят, тут никого не наблюдается. Она рассматривает меня возвышенным взглядом настоящей литературной дивы сквозь толстые стекла квадратных очков. Я вежливо улыбаюсь, когда нас представляют. Валентина Леонидовна, русская литература. Ну все понятно.

– Вот, – обреченно произносит Ирина Николаевна, открывая дверь.

Честно сказать, был уверен, что она преувеличивает масштабы катастрофы, уже успел понять, что наш декан весьма волнующаяся по любому поводу особа. Но тут она права: кабинет не готов от слова совсем. Внутри несколько стеллажей, стол, пара обычных стульев, и все это завалено папками, рукописями и прочим бумажным хламом. Не удержавшись, присвистываю.

– Простите, Роман Андреевич, вы так неожиданно к нам перевелись... Мы не успели...

– Такого подарка судьбы я не ожидал, – усмехаюсь, оглядывая мой кабинет. И только собираюсь сказать, что могу обойтись общей комнатой, как Ирина Николаевна говорит:

– Вы не переживайте, я нашла человека, который все тут разберёт.

Даже так, я уже решил, меня и впрямь бросят разгребать это царство бумаг.

– Хорошо, спасибо вам, – улыбаюсь куда доброжелательней, женщина облегченно выдыхает.

– И когда придёт этот ваш человек? – задаю вопрос, посмотрев на часы. Марина должна уже прийти в аудиторию, лекция вот-вот начнётся.

– Сейчас, как только первокурсники уйдут на знакомство, начнет.

– Отлично, я подойду после звонка.

Кивнув ещё раз обеим женщинам, иду в сторону иныза. Нахожу самую большую аудиторию и заглядываю внутрь: одни девушки. На первой парте двое пацанов, на которых точно никто не позарится. Марина уселась в конце и уже болтает с какой-то девчонкой. Ладно, хорошо, что пошла. Видимо, так далеко ее демонстративное непослушание не распространяется.

Со звонком прохожу к общему расписанию, бегло просматриваю, выискивая свои занятия. Третий и пятый курс,

девятнадцатый век и конец двадцатого соответственно. Любопытно, конечно, посмотреть на студентов маленького пединститута, чем увлекаются, какие цели ставят перед собой.

Ладно, пойду свою цель покорять: кабинет. Ирина Николаевна как раз выходит с кафедры, когда я подхожу.

– Пришёл ваш человек? – интересуюсь у неё.

– Да. Девочка пятикурсница, умница, отличница, очень ответственная.

Понятно, страшная ботаничка. Надеюсь, хоть не сильно занудная. На этот раз проходим через пустую комнату, я распахиваю дверь и первое, что вижу: красивые ножки. Девчонка стоит, нагнувшись, спешно собирая рассыпавшиеся листы. Пятикурсница среди гор дипломных работ? Да она же весь поток ими снабдит, ей только волю дай.

Но об этом я думаю постольку поскольку, разглядывая стройные ноги в задравшейся из-за позы юбки. Но потом мне становится не до этого. Студентка, наконец собрав листы, выпрямляется и оборачивается, прижимая их к груди. И я даже рот открываю. Да ладно, быть такого не может. Злюка!

Глава 9

Как же нехорошо получилось. Я даже не успеваю заглянуть в работу, неудачно открываю верхнюю лежащую, и листы летят на пол. Пока собираю, слышу за спиной шаги, подхватив последние бумаги, резко разворачиваюсь и в изумлении часто моргаю. Что он-то здесь делает? Насчёт Марины пришёл поговорить? Или зачем?

– Вот, – говорит между тем Ирина Николаевна, – это Алевтина, наша студентка, одна из лучших. А это наш новый преподаватель литературы и завкафедрой Роман Андреевич Гордеев.

Вот тебе и Г... Мне кажется, мужчина изумлён не меньше моего. Как такое вообще возможно? Разве такие преподаватели бывают? Тем более он, наглый, самоуверенный, сексуальный. И на филфаке? У меня точно помутнение рассудка.

– Здравствуйте, – произношу, разлепив пересохшие губы, он только хмуро кивает, между бровей складка – недоволен. Я тоже не в восторге, если честно.

– Вы уверены, что Алевтина справится? – обращается к Ирине Николаевне, я начинаю злиться. Вот почему он такой бесцеремонный?! Я же тут стою, в конце концов!

– Не переживайте, Алевтина большая умница, она все рассортирует и разложит по ящикам, стеллаж ещё принесут сегодня. Ну ладно, я пойду, если что, ищите меня в деканате.

Если что это что? Подойдёт, например, что я на дух не выношу этого мужчину и не хочу находиться с ним рядом?

Мы остаёмся в тишине, разглядываем друг друга некоторое время. Наконец, Роман Андреевич, качнув головой с усмешкой, проходит в центр кабинета. Отодвинув стопку бумаг, протирает край стола рукой и присаживается на него, отряхивая ладони. Я так и стою, прижимая листки к груди.

– Вознамерились унести эту работу во что бы то ни стало? – усмехается он, складывая на груди руки.

От такой идеи я отбрасываю от себя бумаги, они плавно разлетаются по полу. Я прикрываю глаза. Вот идиотка!

– Помогать так же будете, Алевтина? – язвительно интересуется мужчина, пока я собираю рассыпанные листы.

– Я перестала быть Злюкой? – поднимаю на него глаза, стоя возле на корточках.

Он смотрит на моё лицо слишком долго, и вообще наша поза кажется двусмысленной. Быстро поднимаюсь, кладу бумаги на стол. Роман Андреевич вздыхает.

– Раз уж вышла такая ситуация... Будем соблюдать субординацию.

Я только глаза закатываю.

– Сразу бы так, Роман Андреевич, – говорю ему, он склоняет голову набок.

– А ты молодец. Успешно справляешься с ролью хорошей девочки. Декан в тебе души не чает.

Предпочитаю не обращать внимания на его слова, только

замечаю:

– Вы вроде на вы перешли, вот и не сбивайтесь. Если не против, я займусь делом.

Отхожу к стеллажам и смотрю на горы папок. Да уж, рассортировывать это все по годам придётся несколько дней. Ну ведь Роману Андреевичу необязательно присутствовать, вполне обойдусь без него. Думаю, Ирина Николаевна пойдёт мне навстречу. Наплету, что не хочу мешать.

Роман Андреевич как будто читает мои мысли. Подойдя, ставит ладонь на стеллаж рядом со мной, я напрягаюсь, чувствуя его присутствие за своей спиной.

– Разбирать все это будете при мне, Алевтина, – он постукивает пальцем по стеклу, – а то подозреваю, в конце года у нас будет много отличных дипломов, списанных с этих нетленнок.

Непроизвольно вспыхиваю, резко обернувшись, цежу:

– Вы всегда думаете о людях заранее плохо? Думали бы хорошо, разрешили дочери заказать у нас мебель, и не было бы с ней конфликта. А приглядывать можно и не так явно, знаете ли, без приказов подчиняться.

Он только дергает бровью и отходит спиной назад.

– Я буду в соседней комнате, – кидает мне и удаляется.

Ну вот, никакой помощи, конечно, ждать не стоит. Ну и ладно. Вообще-то, можно было отложить до понедельника, но я решаю, что чем раньше начну, тем быстрее закончу и избавлюсь от общества этого невыносимого мужчины.

Выгружаю бумаги из одного стеллажа прямо на пол, разложу все по годам стопками по полкам, потом можно стопки разделить картонками, чтобы не перемешивались. Вообще, я понимаю, что эту всю макулатуру надо где-то хранить, но все-таки отдать целый кабинет... это перебор, конечно.

Часа два я исправно тружусь, за это время приходят два парня со стеллажом, и забегает секретарь деканата с ведром и тряпками. Пыль стереть не помешает, это да. В соседнюю комнату не выхожу, но почему-то уверена, что Романа Андреевича там нет. Не будет же он просто высиживать, ожидая, пока мне тут надоест разбирать фолианты. Стол я специально не разгружаю, чтобы мужчине не пришлось в голову за ним разместиться. Уж если сидит, то пусть за стеной, все спокойней.

В итоге, когда выхожу, обнаруживаю пустую комнату, да и на факультете уже никого, кроме секретаря. Она обещает закрыть кафедру, так что я со спокойной душой ухожу домой. Уже по дороге понимаю, как устала, ну да оно того стоит.

Ирина Николаевна обещала ходатайствовать по нескольким предметам, чтобы мне не пришлось их сдавать. Хотя меня зачислили на пятый курс, на самом деле в академ я ушла весной, учась ещё на четвёртом. Что-то успела сдать, что-то нет. И теперь пробелы нужно было закрыть.

В салоне у нас суббота и воскресенье выходной, в будни я планировала работать после учебы, но из-за этих разборов придётся несколько дней пропустить, и ребятам побыть без

меня.

Вечер провожу за последними правками к диплому и перед сном отправляю его заказчице.

Уже лёжа в постели, вспоминаю Романа Андреевича. Он преподаватель, ну надо же. Ни за что бы не подумала. Марина говорила, что она идёт на иняз, но про отца не сказала ни слова. Она вообще не особенно делится подробностями своей жизни, если только в приступе злости, как тогда. Впрочем, мы же с ней не подруги, так что неудивительно.

Представляю, как Роман Андреевич входит в аудиторию, и все девчонки смотрят на него, открыв рот. Ещё бы, такой красавчик! Наверное, на его предмете будет полная посещаемость.

Хмыкаю, переворачиваясь на бок. Так, все, прочь мысли – спать.

В воскресенье встаю поздно, должен же быть день, чтобы отоспаться. Вяло брожу по квартире, завтракаю, туплю в телефоне. Потом, приняв душ и собравшись, все же покидаю квартиру. Отсюда до дома, где я жила почти всю жизнь, двадцать минут на трамвае. Выйдя на остановке, иду в нужную сторону. Все здесь такое родное, до болезненного. Хорошо, что я тут больше не живу. Так лучше.

По инерции набираю номер своей квартиры и быстро скидываю. На мгновенье прикрывая глаза, прислоняюсь лбом к холодной двери. Так, ладно. Набираю правильный номер, через несколько гудков слышу голос тети Светы.

– Это Аля, – говорю в ответ.

– Ой, заходи, Алечка.

Она встречает меня на лестничной клетке. Отмечаю, что выглядит хорошо для своих лет, немного пополнила, но в целом очень даже.

Мы обнимаемся, поздравляю с днём рождения и дарю ей купленную книгу. В гостях несколько человек её возраста, я знаю только бывшего мужа, развелись они давно, но так и продолжают жить в одной квартире.

– А Савва с Глебом где? – спрашиваю, когда меня усаживают за стол.

– Так в салон уехали, – тётя Света накладывает в тарелку кучу еды, которую мне ни за что не съесть.

– В салон? – хмурюсь.

– Ага. Не говорили тебе? Там по заказу какие-то вопросы, договорились с заказчицей встретиться сегодня.

Я резко встаю. Да что ж за! Что я с ними сделаю, вот они даже не представляют себе!

Убегаю, ничего толком не объяснив, к салону подхожу через тридцать пять минут. Жалюзи опущены, дверь оказывается закрыта изнутри. Благо, ключи у меня с собой. Открываю и прохожу внутрь, тут горит только лампа, потому обстановка интимная. А в глубине на диванчике сидят парни, и между ними, конечно, Марина!

Глава 10

– Эй, спокойней! – Глеб аж вскакивает, увидев меня. Наверное, видок имею ещё тот. Марина переводит с меня на него удивленный взгляд. – Марина позвонила, сказала, что у неё обновление заказа, нужно обсудить, очень просила сейчас.

– Ага, я так и поняла, – улыбаюсь другу, – приехала вашу маму поздравить, а она говорит, у вас работа. Вот и подумала, как же это вы тут без меня? И что за обновление?

– Папа согласился обставить всю квартиру, – Марина сидит, глядя на меня исподлобья. Наверное, я веду себя слишком агрессивно, стремясь унять пыл парней. – Вот я и хотела все обсудить.

– Давайте обсудим, – беру стул и усаживаюсь напротив этой троицы.

Парни ведут себя прилично, не жмутся, но я все равно мысленно показываю им кулаки. Уверена, они это понимают.

Честно сказать, слушаю в пол уха, больше думая о том, что это нашло на Романа Андреевича, что он уступил дочери, несмотря на такое противостояние до. Разрешил и свою комнату обставить по ее вкусу. Неужели мои слова подействовали? Вот ни в жизнь не поверю. Но любопытно капец как!

Наверное, потому ближе к концу беседы спрашиваю:

– А почему твой отец вдруг согласился? Он же был категорически против.

Марина фыркает.

– Вот уж не знаю. Может, наконец расслабился, переспал с какой-то бабой и попустило, – она так бесцеремонно говорит, что я теряюсь. – В Москве-то он их имел пачками, дома почти не ночевал. У него табу – левых баб приводить в своё жилище нельзя. А тут не до того было, вот он, видать, и шатался в плохом настроении. Пока не склеил кого-то.

– Забавный у тебя отец, – хмыкает Глеб.

– Очень, – Марина встаёт, – ладно, я поеду. Спасибо, что уделили время.

Парни тут же начинают разливаться соловьями и провожают ее к выходу, чуть ли не руки целуя.

Возвращаются на диван, правда, уже серьезными.

– Даже не начинай, – заявляет Савва.

– Вы не прекратили спор на неё? – спрашиваю сурово.

– Аль, ну что мы, по-твоему, совсем дебилы? – он даже как будто обижается. – Да мы больше в шутку. Поверь, терять такой заказ себе дороже. Ты видела сумму? – он подталкивает мне листок, на котором очень приятные глазу цифры. – Думаешь, мы будем рисковать такими деньгами ради дурацкого спора?

– Хорошо, что головы ещё соображают, – отвечаю язвительно, но все же с облегчением.

– И все-таки обхаживать её придётся, – замечает Глеб. –

Ну ты же видишь, как ей нравится внимание. Если мы резко затухнем, она будет злиться. Это нам тоже не нужно.

– В пределах разумного, –ставляю я вперёд палец.

– Есть, шеф! – Глеб прикладывает руку к голове, отдавая честь. – И в кого ты такая правильная, а?

Я только фыркаю, вставая.

К ребятам домой уже не еду, прошу ещё раз поздравить тетю Свету и отправляюсь пешком к себе. Все-таки хорошо, что мы с ними так ладим. В любой другой ситуации мог бы быть конфликт. Но только не с этими ребятами.

Вечером начинаю новый дипломник на заказ, работаю до предела, а потом сразу засыпаю.

Пары идут быстро, мне вообще нравится учиться, тем более филфак я выбрала осознанно, с детства люблю читать, и даже сама немного пишу, но об этом никто не знает. Мама была врачом, предпочитала точные науки и всегда повторяла, что любовь к литературе у меня от отца. Но в упрек не ставила, не виновата же я в этом, правда? И что с отцом у них не сложилось, тоже не виновата.

Но мой выбор ее удивил. Думала, я в Москву подамся, и точно не в учителя. А я осталась в родном городе и пошла в местный пед на филфак.

Немного сложно вклиниться обратно в учебу, да и ни с кем пока не общаюсь, здесь уже свой коллектив. Есть и «звезды», и ботаны, и разгильдяи, и серая масса. К ней я, скорее всего, и прильну. Выделяться мне нечем.

Я сажусь одна за стол у окна, смотрю на площадку перед институтом и трамвайные рельсы. Странно все, как теперь жизнь идёт. Неужели так и будет всегда?

Гордеев заходит в кабинет вместе со звонком, вырывая меня из грустных мыслей. Все встают, по аудитории тут же бежит шёпот. Невольно усмехаюсь, глядя на Романа Андреевича. Он как обычно выглядит с иголки, хотя и несколько фривольно, на мой взгляд: на нем светлые джинсы и светло-голубая рубашка без галстука. Верхняя пуговица кокетливо расстегнута.

– Садитесь, – кивает мужчина, проходя к кафедре, – меня зовут Гордеев Роман Андреевич, я буду вести у вас курс литературы конца двадцатого века. Да, слушаю вас? – обращается он к красотке нашего потока, поднявшей руку.

– А вы точно преподаватель? Больше походите на актера. Все начинают хихикать, я мысленно закатываю глаза.

– Конечно, я актёр, – Роман Андреевич продолжает невозмутимо, – только деканату не говорите, а то меня выгонят, а в театре сейчас мало платят.

По аудиторию проходит новая волна смешков, я тоже улыбаюсь.

– Если этот вопрос уладили, давайте по теме. У нас будут лекционные занятия и семинары. Знания своих лекций я не требую. Мне нужно, чтобы вы читали и понимали, что читаете. Имели своё личное суждение. Опирайтесь на критику не возбраняется. Тот, кто будет посещать занятия и прояв-

лять активность, получит оценку автоматом. Ну что ж, приступим.

Держать внимание Роман Андреевич умеет, уверена, его лекции будет посещать если не весь поток, то восемьдесят процентов точно. Получить автомат – это вообще замечательно, всего-то надо заниматься предметом. Шикарно. Следует признать, умеет Роман Андреевич мотивировать.

Хотя вот некоторые девицы пялятся в основном только на него, особенно не вслушиваясь. Гордеев скользит взглядом по залу и вдруг тормозит им на мне. От неожиданности я теряюсь, словно меня застали на месте преступления, и быстро опускаю глаза. Ну вот, тоже, выходит, сижу пялюсь? А ещё на других говорила.

Роман Андреевич отпускает нас за пять минут до звонка. Желает всем хорошего дня и добавляет:

– Завьялова, задержитесь.

Я осязаемо чувствую, как попадаю под прицелы взглядов, пока Гордеев спокойно что-то смотрит в своём телефоне. Некоторые переговариваются. Ну отлично, теперь будут считать, что я какая-то особенная. Надо ненавязчиво рассказать, как меня запрягли разбирать дипломные работы. Черт, а если они начнут просить что-нибудь стырить? Ой, как же сложно налаживать отношения в новом коллективе...

Когда дверь за последней студенткой прикрывается, я подхожу к преподавательскому столу. Роман Андреевич что-то быстро пишет, отложив телефон, поднимает на меня

взгляд.

– Хотел спросить, когда вы планируете вернуться к раскопкам?

Поправляю лямки на рюкзаке.

– Сейчас.

Он откладывает телефон и медленно скользит по мне взглядом снизу вверх. Я знаю, что одета более чем цивильно: та же юбка почти до колена, кофта с рукавами и поверх неё вязаная майка. И все равно чувствую себя так, словно стою тут голая. Хотя, наверное, на голую меня Гордеев все-таки не таким бы непроницаемым взглядом смотрел? Боже, о чем я вообще думаю?

Роман Андреевич поднимается, собирая свои вещи, и говорит:

– Идемте, Завьялова, я вам помогу.

Чееееерт.

Глава 11

Мы вместе выходим из аудитории и на скамейке напротив видим девчонок с моего потока: звезду Карину и двух ее подружек. Девушка тут же вскакивает и улыбается.

– Извините, Роман Андреевич, можно вас на минутку? – она выпрямляется, выставляя вперед грудь, я невольно слежу за взглядом Гордеева, но он как обычно непроницаем, более того, даже не скользнул вниз.

– Завьялова, – обращается ко мне мужчина, – идите на кафедру, я сейчас подойду.

Молча следую по коридору, у двери кафедры все же оборачиваюсь. Гордеев стоит ко мне спиной, Карина смотрит на него, по-прежнему улыбаясь и кивая, как китайский болванчик.

За дверью обнаруживаю аж четырех преподавателей: все женского пола. Впрочем, из мужского у нас теперь, включая Гордеева, всего трое, и остальные, на мой субъективный взгляд, сошли с ума уже давно.

Здороваюсь и прохожу к кабинету Гордеева под пристальными взглядами. Вопросов мне, правда, не задают, значит, в курсе, чем я занимаюсь.

Роман Андреевич появляется минут через десять, причем последние пять, судя по всему, ведет беседы как раз с преподавательским составом. Зайдя, закрывает за собой дверь,

кинув на него взгляд, продолжая свои разборы.

– Давайте стол разберем, Завьялова, – говорит Гордеев. – Хочу скорее перебраться сюда. А то в общем кабинете невыносимо находиться.

Он подходит к столу, бегло осматривая стопки. Вздыхнув, тоже иду туда.

– Я раскладываю все по годам, – говорю Гордееву, – плюс, если в год были работы по одним и тем же авторам, то складываю их вместе. В общем-то, это несложно. Если хотите, просто перенесем бумаги на пол, вам необязательно мне помогать.

– Со мной будет быстрее, – говорит он, после чего тянется к рукаву на рубашке и расстегивает пуговицу.

Закатывает рукав по локоть и принимается за второй. Я не знаю, почему это зрелище так меня завораживает. Стою над стопкой дипломных, опустив лицо, а сама то и дело кошусь на руки мужчины, на длинные пальцы, чуть выпирающие вены, на то, как легко, можно сказать, небрежно, он закатывает рукава, и почему-то это выглядит так притягательно... В довершение Гордеев расстегивает еще одну пуговицу на рубашке, а я снова устремляю взгляд на стопку.

– О чем задумались, Завьялова? – интересуется вдруг Роман Андреевич, я испуганно ищу в голове хоть какой-то ответ. Как назло, ничего нормального не приходит, и спрашиваю первое, что всплывает:

– А почему вам невыносимо с общим кабинетом?

Гордеев усмехается, начиная раскладывать на столе работы.

– Вы что, не видели это собрание женщин, когда зашли?

– Видела. И что?

– Ну вот они все по мою душу. Даже старые девы к пятидесяти активизировались. Ладно бы, просто старые девы, так еще и психованные.

Невольно хмыкаю, не удержавшись. К сожалению, Роман Андреевич прав в описании некоторых наших дам.

– Хотите сказать, они к вам клеятся?

– Вроде того, – он невозмутимо продолжает раскладывать дипломные работы, периодически в некоторые заглядывая.

– Да ладно, – тяну я, – и Марина Игоревна? Не верю, она нормальная женщина.

Гордеев усмехается, бросая на меня взгляд.

– Считаете, мной могут увлечься только ненормальные?

Я краснею, хорошо, что Гордеев снова возвращает внимание дипломам. Но ответа-то ждет.

– Ну... – тяну, пытаюсь подобрать слова. И зачем я только ляпнула это, а? – Ну я имела в виду, что она... Нет, она хорошая, но ей под сорок, а вы...

Гордеев откладывает дипломник и смотрит на меня.

– Что я? – интересуется, вздернув бровь.

Я молчу, опустив глаза. Роман Андреевич ставит локти на стопку, таким образом приближаясь ко мне.

– Ну же, Завьялова, смелее, договорите мысль. Что я?

— А вы легко снимаете в клубе девиц, которым еще и тридцати нет, — буркаю в итоге.

Голову не поднимаю, хотя чувствую, что Гордеев продолжает на меня смотреть. Ну должен же он понимать, что я хотела сказать? И вообще, это какая-то дурацкая тема для разговора.

Наконец, мужчина выпрямляется и снова начинает раскладывать дипломники по кучкам.

— Ну а вы, Завьялова, — спрашивает, не глядя на меня, — чем собираетесь заниматься после вуза? В школу пойдете?

Ладно, это уже лучше. Нет, лучше всего, если бы мы вообще не разговаривали, но эта тема хотя бы адекватная в общении преподавателя и студентки.

— Хочу остаться в университете, — говорю в ответ. — Мне бы хотелось обучать более-менее взрослых людей, дети — это совсем не мое.

Гордеев усмехается.

— Я тоже так думал. И про обучение, и про детей. Скажу честно, большинство студентов оказываются еще хуже детей. Школьники по крайней мере, в большинстве своем впитывают информацию, а студентам надо уметь ее еще перерабатывать. Они же приходят после школы именно как губки, в лучшем случае все запоминают, не особенно разбираясь. В худшем — даже запоминать не хотят. Нет, конечно, бывают исключения, но в основной массе так. Но вы попробуйте, конечно, вдруг понравится.

Киваю, молча перебирая работы, а потом все же спрашиваю:

– А почему вы приехали к нам? – на его вопросительный взгляд поясняю: – Вы ведь работали в московском вузе, почему приехали сюда?

– Я здесь родился, учился в этом институте, – поясняет он, деловито перебирая работы.

– Серьезно? – искренне удивляюсь я.

– А что в этом такого? – улыбается Гордеев.

Я на мгновение позволяю себе полюбоваться мужчиной. Еще ни разу не видела, как он улыбается, сейчас он выглядит таким милым и... чертовски сексуальным. Наверняка этой улыбкой он часто пользуется, чтобы соблазнять женщин. Коих у него было неимоверное количество, если верить Марине.

– Не знаю, думала, вы москвич.

– Я уехал сразу после окончания института, так что можно сказать, уже москвич.

– Ясно, – улыбаюсь в ответ. – Наш институт вас не привлекал?

Гордеев мимолетно хмурится, потом усмехается.

– Ну так вышло, пришлось уехать. Но я не жалею. Бывали в Москве, Завьялова?

Я качаю головой, почему-то стыдясь этого факта. До Москвы не так уж и далеко, знаю, можно было выбраться за двадцать с лишним лет жизни. Да вот что-то не довелось.

– А вообще выезжали куда-нибудь?

Он почему-то смотрит так пристально, словно сканирует меня.

– Да, на море, – отвечаю, не поднимая глаз, – два года назад. В Крым.

Чувствую, что он продолжает смотреть, но больше ничего не спрашивает. Оставшееся время мы работаем, почти не разговаривая.

Гордеев ставит в стеллаж очередную стопку и говорит:

– Думаю, на сегодня достаточно.

Как так, блин. Такими темпами я тут еще три дня провожусь.

– Давайте я останусь, а вы идите, – предлагаю ему. Гордеев смотрит на меня с насмешкой. Я упираю руки в бока. – Не буду я тырить никакие работы, если вы к этому.

– Я к тому, что надо и отдыхать, Завьялова, так что не пререкайтесь, берите свои вещи и на выход.

Вздохнув, поднимаю рюкзак и закидываю на плечо.

Роман Андреевич берет сумку с ноутбуком, и мы вместе идем на выход. За дверью никого, видимо, дамочки поняли, что сегодня им ловить нечего. Нет, неужели, правда, планируют его заарканить? Вот уж романтические особы, иначе не скажешь, мыслят совсем не рационально.

Мы молча спускаемся вниз и выходим из здания. Собираюсь попрощаться, когда Гордеев вдруг произносит:

– Я вас подвезу, Завьялова, идемте.

И не дожидаясь ответа, двигает к парковке.

Глава 12

Роман

Странная она, эта Злюка. Непонятная. То, не стесняясь, дерзит в лицо, то краснеет, как школьница. И вообще, что-то с ней не то. Словно она прячет себя настоящую. Нелепо звучит, наверное. Но так чувствуется. На контакт идет неохотно, вот и сейчас начинает, догнав меня:

– Роман Андреевич, я пешком дойду, мне тут недалеко.

– Вот недалеко и довезу, – снимаю с сигнализации «Вольво», Алевтина, бегло оглядев машину, закусывает губу.

– Это как-то неудобно.

– Бросьте, Завьялова, считайте это моим спасибо за вашу помощь. Уверен, деканат на этот счет не особо парился.

Она натянуто улыбается, явно сдаваясь.

Открываю дверцу, девчонка садится внутрь с легкой опаской, читающей на лице. Быстро обхожу машину, сажусь и завожу двигатель.

– Адрес, – смотрю на нее. Она, вздрогнув, переводит на меня взгляд.

– Короленко, 15.

Действительно недалеко. Район старых раздолбанных

хрущевок. Ну так себе местечко. Может, там, конечно, новые дома застроили.

Выезжаю на дорогу, встраиваясь в поток машин. Алевтина нервно теребит ремень безопасности.

– Можно вопрос, Роман Андреевич? – осмеливается все же. Бросаю на нее взгляд. – Вы ведь просто преподаватель... То есть я хочу сказать... В Москве преподавателям так хорошо платят?

Усмехаюсь, глядя на дорогу.

– Нет, Завьялова, так хорошо им не платят. Хотя, конечно, больше, чем здесь. У меня свой бизнес в Москве.

– Ясно, – кивает она, тут же отворачиваясь к окну. – Извините.

– Вам не за что извиняться. Это вполне естественное любопытство. Марина еще не разболтала о нашей семье?

На самом деле, мне и впрямь интересно. Судя по вопросам, девчонка вообще ничего не знает, что немного удивляет. У дочери язык без костей, она обычно мелет все подряд, не задумываясь, насколько это уместно.

– Мы особо не общались, – говорит Злюка, я усмехаюсь.

– Ну ей куда интереснее половозрелые мужчины, да?

Девушка краснеет, снова начиная теребить ремень.

– Они не имеют на нее видов, – все же бурчит в ответ.

– А вы откуда знаете?

– Я с ними говорила.

Нет, это даже забавно. Выезжаю в нужный двор и притор-

маживаю возле пятнадцатого дома, так и есть, рухлядь. Повернувшись к Алевтине, закидываю руку на спинку ее сиденья, девушка, сразу напрягается, выпрямляется, отстегивая ремень.

– Завьялова, вы как дите малое, честное слово. Они могут вам что угодно сказать. Можете вы дать гарантию, что если дойдет до секса, то эти ваши двое из ларца смогут дать задний ход? Сильно сомневаюсь. В молодости гормоны бушуют будь здоров, а сознательность в голове отсутствует напрочь.

Алевтина теряется, краснеет, хмурится. Нет, все же она забавная, правда. Давно я не встречал созданий женского пола, которые настолько не умели бы прятать свои эмоции.

– Они не такие, – отвечает, сдвинув брови к переносице. Злюка вернулась.

– Скажу вам по секрету, – я подаюсь вперед, оказываясь совсем близко, чувствую запах ванили, исходящий от кожи девушки, он меня еще днем удивил, когда мы разбирали дипломники. Сладкий такой, мягкий запах, поневоле хочется вдохнуть его. Мое приближение девушка воспринимает предсказуемо, натягивается, как струна. Но все-таки ждет продолжения. Смотрю в ее глаза, опускаю взгляд на губы, она сжимает их, резко выдыхая через нос. Мне кажется, я слышу, как колотится ее сердце. – Все такие, – произношу, снова поднимая взгляд на глаза. – Не только мужчины, но и женщины.

Несколько секунд он смотрит на меня, не отрываясь, а по-

том резко разворачивается и дёргает ручку. Из машины выскакивает, обернувшись, быстро произносит, не глядя на меня:

– Спасибо, что подвезли, – и, аккуратно закрыв дверцу, быстро идёт в сторону подъезда.

Откинувшись на сиденье, наблюдаю за девушкой, пока она не исчезает за подъездной дверью. Усмехнувшись, выезжаю со двора и набираю Марину.

– Помнишь, мы договаривались вместе съездить к отцу? – спрашиваю после того, как она снимает трубку.

– Помню, заберёшь меня от вокзала? Я тут в торговом центре.

Кидаю взгляд на часы.

– Буду через десять минут.

– Окей.

Разглядываю сажающуюся в машину Марину с интересом. Глаза блестят, довольная, ворох пакетов сваливает на заднее сиденье.

С того момента, как я окончательно одобрил этот её мебельный салон, Марина прямо сияет. И что бы там ни говорила Злюка, я почти уверен, что причина в близнецах. Даже не знаю, что меня больше всего напрягает в этой ситуации: то, что я говорил Злюке о невозможности остановиться, или то, что парней двое, и нравится ли моей дочери кто-то конкретный, я понятия не имею. В любом случае, юность очень безрассудна, а моя дочурка весьма импульсивна.

Короче говоря, наломает дров, а потом будет себя грызть. Это если в самом мягком варианте, которые мы уже проходили. По душам мы с Мариной как-то не разговариваем, не сложилось, и в подобные моменты я получаю в ответ мычание, а потом она быстро переводит тему.

В общем, не остаётся ничего иного, как попросить Алевтину с ней поговорить. Не факт, что Злюка согласится, в клубе она однозначно дала понять, что не будет. Но я планирую за эти несколько дней, что мы вынуждены проводить вместе, уговорить. Немного информации, чтобы я был спокоен.

Отчасти поэтому я стараюсь ее не доводить, хотя она очень забавная, когда злится.

– С кем ходила по магазинам? – спрашиваю, трогаясь с места.

– С девчонкой из группы. Прикольная, её старший брат ведёт курс мировой художественной культуры на филфаке.

Киваю, никак не комментируя. Опять какие-то особи мужского пола. Откуда они только берутся?

По дороге заезжаем в магазин, так что заваливаемся к папе с полными пакетами. Маринка щебечет, как птичка, когда у неё хорошее настроение, она может любого человека утянуть за собой. Вот и отец улыбается, расспрашивает об институте, о впечатлениях от города.

– Съездим на Оку на выходные? – предлагает вдруг. – Как разберётесь тут с делами немного.

– С палатками, как в детстве? – усмехаюсь на это. – Боюсь, уже холодно.

– Можно заночевать у местных.

Пожимаю плечами, глядя на дочь. Уверен, она вряд ли обрадуется подобной перспективе, но Марина поддерживает.

– А можно будет подругу взять? – задаёт вопрос. Мне все равно, папа смеётся.

– Только если она будет нам готовить, – говорит в ответ. Марина задумывается, отец смеётся ещё веселее.

– Конечно, можно, – говорит в итоге, – не торчать же тебе с нами на рыбалке. Приглашай друзей, я за.

– Здорово, – хлопает дочь в ладоши.

Да, пожалуй неплохо. Заодно познакомлюсь с её новыми подружками, посмотрю, с кем она общается.

Завьялову я вылавливаю на следующий день на большой перемене, договариваемся, что она придёт после занятий.

У меня последняя пара на третьем курсе, немного задерживаюсь, и когда прихожу на кафедру, Алевтина уже там. По крайней мере, так решаю, потому что дверь в мой кабинет приоткрыта. Вообще, я планирую закрывать её на ключ, но пока это не имеет смысла. Вот разберём все, тогда уж...

Подхожу к двери, открываю и замираю. Алевтина действительно здесь, но не одна. С ней какой-то парень лет двадцати пяти, и прямо сейчас он прижимает девушку к моему столу.

Глава 13

Я проспала!

Сама не знаю, как не услышала будильник, точнее, услышала, но выключила его. Вот ведь. Засиделась за дипломником, легла поздно, и вот результат.

Быстро принимаю душ, голову мыть некогда, завязав косу, достаю из шкафа джинсы и толстовку. Не очень строго, конечно, но гладить рубашку мне некогда.

На пару опаздываю на десять минут, но к счастью, не я одна, преподаватель тоже. Прохожу к свободной парте, только усаживаюсь, как ко мне поворачивается Карина.

– Привет, – улыбается широко, я здороваюсь в ответ, но настороженно. Чувствую, что она неспроста.

– Слушай, а что у тебя за дела с новым преподам, Гордевым?

– Декан попросила разобрать ему кабинет, там бумажный завал, – отвечаю коротко.

Карина задумчиво вытягивает губы трубочкой. Потом, снова улыбнувшись, говорит:

– Окей, поняла, спасибо, – и отворачивается. Смотрю, она за него всерьёз взялась. Не смущает, что он ее почти вдвое старше?

Вспоминаю вчерашнюю сцену в машине, когда он был ко мне так близко и говорил такие вещи... Меньше всего я ду-

мала тогда, что он меня старше, и вообще мало о чем думала. Его близость как будто сбивала с толку, заставляя разум путаться.

Из этих порочных мыслей меня выдергивает пришедший преподаватель. Собираю себя в кучу, дав установку выкинуть все лишнее из головы.

И хотя я вроде как успела на пару, утренний просып почему-то все равно оставляет ощущение, что весь день будет наперекосяк. На большой перемене собираюсь сходить перекусить, иду в сторону центральной лестницы и замираю, потому что оттуда выворачивает Дима. Он тоже тормозит, увидев меня. Рассматривает в ответ.

Он как всегда с иголки: легкий пуловер поверх рубашки, воротничок выправлен сверху, классические темные джинсы, волосы зачёсаны набок. Я почти уверена в том, что он сейчас отойдёт в сторону, например, к расписанию, чтобы не общаться со мной, но Дима начинает идти мне навстречу, не сводя взгляда. Я резко выставляю руку вперёд, словно это может его остановить. И впрямь останавливает, хмурится, но не идёт. А я, резко развернувшись, топаю обратно, к задней лестнице. Оглядываюсь, чтобы убедиться: Дима за мной не следует. Иду так несколько секунд и врезаюсь с размаху в кого-то.

– Извините, – поворачиваюсь и утыкаюсь носом в мужскую грудь. Даже глаза поднимать не надо, чтобы понять, кто это.

– На что засмотрелись, Завьялова? – усмехается Роман Андреевич.

Вымученно улыбаюсь, делая шаг назад, мы с Гордеевым синхронно оглядываем друг друга. Он в модных джинсах, футболке и современном пиджаке, я, как помнится, в толстовке и рваных джинсах. Мужчина вздёргивает бровь.

– Вернулись к любимой подростковой одежде, Завьялова? – подковыривает он меня. Я закатываю глаза. – После пар жду вас?

– Да, конечно, Роман Андреевич. Я пойду, ладно?

– Идите.

Делаю пару шагов и оборачиваюсь, Гордеев шагает по коридору, Димки нет. Фух, пронесло.

Остаток дня провожу в волнении, понимаю, рано или поздно придётся с Димой встретиться. То есть я это и раньше понимала, но почему-то думала, что он не будет стремиться к общению. Вообще сделает вид, что мы незнакомы, в конце концов, когда мы встречались, я была в академе, и вряд ли кто-то знает о нас, чтобы соблюдать приличия на эту тему. Меня бы такой расклад вполне бы устроил.

В итоге предательски поглядываю в коридор, чтобы снова не столкнуться с парнем. После последней пары лечу из аудитории пулей на кафедру, внутри никого, облегченно выдыхаю, подходя к приоткрытой двери, видимо, Гордеев уже там, распахиваю дверь и вижу Димку, перебирающего дипломники. Первое желание – сбежать – пресекаю. Захожу,

ловя его взгляд.

– Что ты здесь делаешь? – интересуюсь, держась у двери.

– Тебя жду, услышал краем уха, что ты разбираешь кабинет для нового завкафедрой, вот и подумал, что придешь сюда после пар.

Я выдыхаю, прикрывая глаза. Все-таки ему что-то от меня нужно. Неужели не понимает, что для меня наша встреча может быть болезненной? Ладно, чем быстрее мы с этим покончим, тем лучше.

Прохожу вперед, забрав из рук парня дипломник, кладу на стол.

– Дим, ты чего вообще хочешь? – интересуюсь, складывая на груди руки.

– Давай поговорим, Аль.

– Я не хочу.

– Не хочешь? – Димка удивляется.

Серьёзно? Нет, конечно, я сказала тогда, что все понимаю, но это не значит, что мне не было больно.

– Не хочу, – повторяю медленно, – ты вроде и сам говорил, что нам будет лучше больше не встречаться?

Пытаюсь отойти, но Димка вдруг ставит руки по сторонам от меня на стол, приближаясь.

– Аль...

Его близость сейчас кажется неприятной, пытаюсь отстраниться, но он не даёт. Готова уже толкнуть его, но в этот момент дверь открывается, и я вижу на пороге Гордеева. Дим-

ка тут же делает пару шагов назад. Появления мужчины он точно не ожидал.

Роман Андреевич переводит взгляд с меня на парня, тот тут же приближается к мужчине.

– Дмитрий Максимов, преподаю мировую художественную культуру.

Гордеев, сощурившись, пожимает ему руку.

– А моей студентке вы сейчас что преподавали? – интересуется не особенно дружелюбно. Я отворачиваюсь, Димка смущенно кашляет.

– Прошу простить, это не то что вы подумали.

– То есть вы не прижимали в кабинете завкафедрой студентку? – голос Гордеева становится невозмутимым, а я невольно поглядываю в их сторону.

Димка ненавидит такие ситуации, перед начальством он всегда старается быть хорошеньким. Да и не только перед начальством – перед всеми. Ну как оказалось, кроме меня.

Димка начинает бормотать какую-то чушь, я не выдерживаю.

– Роман Андреевич, отпустите его. Пожалуйста.

Гордеев кидает на меня быстрый взгляд, а потом говорит:

– Свободны, и больше, надеюсь, я вас не увижу обжимающим студенток. Вы преподаватель, и это подсудное дело.

Димка вылетает из кабинета быстрее пули, тихонько закрыв за собой дверь. Я так и стою, теперь наблюдая за Романом Андреевичем. Он подходит к столу, кладёт сумку с но-

утбуком и, замерев напротив, складывает на груди руки.

– Что скажете в своё оправдание, Завьялова?

– Скажу, что ему повезло, что вы пришли, иначе через мгновение получил бы удар и лишился ценного органа.

Такого ответа Гордеев не ожидает, несколько секунд смотрит удивленно, а потом, посмеиваясь, качает головой.

– Вообще-то, мы знакомы, – говорю, чтобы объяснить ситуацию, – и он не приставал ко мне. Просто так со стороны выглядело.

– Меня не интересует, с кем вы спите, Завьялова, – Гордеев берет стопку работ, не видя, к счастью, что я краснею, как мак. – Просто не делайте это на моем рабочем столе.

– Я с ним не сплю, – отхожу на другую сторону стола и тоже берусь за работы.

– Вас послушать, так вы ангел во плоти, – хмыкает Роман Андреевич, – может, вы еще и девственница, Завьялова?

Голос звучит так насмешливо, что я снова вспыхиваю. Ну да, ему кажется нелепым, что в двадцать два девушка может быть невинной. А я была бы, если бы не Дима. И вот не уверена, например, что стоило с ним...

– По-моему, это не самая подходящая тема для разговора, – цежу в ответ.

Чувствую внимательный взгляд, потому отворачиваюсь, скидываю рюкзак. Пусть разбирает оставшиеся папки, а я достану новые пока. Открыв неразобранный стеллаж, обзираю пространство. На верхней полке какие-то фолианты.

Подвигаю стул, встав на него, тяну на себя сразу всю стопку.

– Эй, Завьялова, – слышу голос Романа Андреевича, – это слишком много, вы...

Договорить не успеваю, я охаю и выпускаю из рук книги, надеясь толкнуть их обратно на полку, потому что они реально очень тяжелые. Однако книги начинают падать, а я только вжимаю голову в плечи, прикрывая ладонями лицо.

В следующее мгновение на мою голову обрушивается каменная глыба, не иначе, я чувствую, что начинаю падать, но тут же оказываюсь в крепких мужских руках. Голова кружится от удара, кажется одна из книг упала углом. Хватаюсь за сильные плечи и через мгновение оказываюсь на столе. Вижу взволнованное лицо Гордеева, он что-то говорит, щелкая пальцами у меня перед глазами. Но я плохо понимаю, что именно, потому что мужчина стоит между моих ног, и слишком близко, чтобы не обращать на это внимания. И это волнует куда больше, чем удар по голове.

– Черт, Завьялова, я сейчас вас в медпункт отнесу, – хмуро говорит Роман Андреевич.

– Я в порядке, – бормочу в ответ, разглядывая лицо мужчины.

У него красивые глаза, и ресницы такие длинные, а ещё он классно пахнет, дразнящий такой аромат. И губы притягательные, особенно сейчас, когда он их облизывает. Очень хочется коснуться легкой щетины, она придаёт ему сексуальности. Боже, кажется, я все-таки немного поехала умом

от удара.

Так как я продолжаю молчать, Роман Андреевич вздыхает.

– Аля, – зовет по имени, я пытаюсь сосредоточиться на его глазах. – Вас не тошнит?

Качаю головой, а мужчина вдруг берет моё лицо в руки и немного приподнимает, вглядываясь в глаза.

А я говорю:

– Поцелуйте меня, Роман Андреевич.

Глава 14

Несколько мгновений мы оба не двигаемся, застыли. Мужчина смотрит на меня. И мне на секунду кажется, что сейчас он подастся вперед и накроет мои губы своими. Но по всей видимости, только кажется, потому что Гордеев отпускает мое лицо, его ладони ложатся на мои бедра и тут же отскакивают от них, словно от удара током. Кажется, Роман Андреевич только сейчас вообще обращает внимание, насколько двусмысленно близко мы находимся друг к другу. И тут же делает пару шагов назад, я быстро свожу ноги, за чем-то пряча между бедрами руки.

Гордеев обводит меня взглядом, хмурясь. Пауза определено затягивается, и я начинаю чувствовать себя просто нелепо. Боже, неужели я предложила Гордееву меня поцеловать? Мало того, что он все время меня допекает своими двусмысленными или просто унижительными замечаниями, так он ведь мой преподаватель!

Нужно срочно что-то сказать, чтобы исправить ситуацию, но Гордеев, хмыкнув, делает это за меня:

– Кажется, все-таки голова немного пострадала.

Я сползаю со стола, качнувшись, хватаюсь за край рукой. Роман Андреевич тут же оказывается рядом. Чувствую его руку на своем плече, вижу встревоженные глаза. Мужчина водит пальцем перед моим лицом, я слежу за ним взглядом.

– Не тошнит, голова не кружится? – спрашивает Роман Андреевич. Качаю головой. Он кладет на нее руки и ощупывает.

– Неплохо приложило, – высказывается в итоге, – может, и шишка будет.

Я тихо произношу:

– Извините меня за... Ну вы поняли.

Гордеев усмехается, снова отпуская меня и отходя назад. Чувствую себя почти прокаженной.

– Будем считать, это последствие удара. Забыли.

Я киваю, оглянувшись по сторонам, присаживаюсь и беру фолиант.

– Толковая библия, – читаю вслух. – Это, наверное, Прохоренко. Он у нас «Мир библии» вел.

– Возможно. Я вынесу книги в соседний кабинет.

Взяв их, Гордеев выходит, но возвращается не сразу. Наверное, не хочет меня видеть после случившегося. Ну и хорошо. Лучше даже, если вовсе не вернется. Но он, конечно, возвращается через пятнадцать минут. Заходит с двумя пластиковыми стаканчиками.

– Кофе в кафе отвратный, – замечает мне, – так что я взял чай.

– Спасибо, – киваю в ответ, он ставит стаканчики на стол.

Пока я продолжаю разбор, Роман Андреевич достает ноутбук и устраивается за столом спиной ко мне.

Я немного расслабляюсь, перебираю дипломники, попи-

вая чай. Гордеев всю пару так и сидит за монитором, но когда звенит звонок с перемены на следующую пару, опускает крышку ноутбука.

– Думаю, на сегодня можно закончить, Завьялова, – говорит, разворачиваясь ко мне.

– Роман Андреевич, может, я еще посижу? – задаю вопрос. – Я бы поскорей с этим всем разделалась. Вы можете идти, я не буду ничего брать, честное слово.

Мужчина внимательно выслушивает мой ответ, а потом привычно безапелляционно заявляет:

– Нет, идемте.

Вздохнув, поднимаюсь, откладывая дипломник. К тому моменту, когда выходим на улицу, народу уже почти не наблюдается.

– Идемте, – кивает он в сторону машины, я снова обреченно вздыхаю, но не прекословлю. Проще уступить в таких мелочах, а то у нас и так что-то все слишком странно.

– Отвезите меня на работу, – говорю в машине, – в салон.

Гордеев только качает головой, но ничего не говорит. До работы доезжаем быстро, мужчина тормозит возле входа, я мысленно чертыхаюсь – лишние разговоры мне ни к чему. Надеюсь, никто из ребят не обратит внимания.

– Завтра у вас сколько пар? – интересуется Роман Андреевич.

– Три, – отвечаю, начиная чувствовать себя неловко. – Ваша первая.

Он кивает, но больше ничего не говорит.

– Ладно, я пойду, спасибо, что подвезли, – резко разворачиваясь, дергаю ручку двери.

– Ремень, Завьялова, – насмешливо замечает Гордеев, а я краснею. Начинаю так же отчаянно дергать ремень под взглядом мужчины. – Вы мне машину так сломаете. Нежнее, Завьялова, нежнее. Расслабьтесь и аккуратно нажмите.

Я прикрываю глаза, потому что думаю по непонятной причине совершенно не о ремне. И все-таки аккуратно щелкаю, ремень плавно скользит, освобождая мое тело. Кидаю взгляд на Гордеева, он смотрит все так же насмешливо.

– Извините, – буркаю, открывая дверь, – до свидания.

Получив в ответ те же слова, быстро иду к салону. Вот блин, почему с ним все так сложно? Нет, ну правда. Мы и так натянуто общаемся, а тут еще я... Поцелуйте меня, Роман Андреевич! Господи, стыд какой! Поцелуйте, обнимите, перепишите квартиру... Как мне вообще такое в голову пришло?

Ребят нахожу в мастерской, они появляются из нее, услышав звон колокольчика на входе.

– О, Аля, – улыбается Савва, – мы тебя не ждали.

– Да вот, вышло пораньше уехать, решила вам помочь. Приходил кто-нибудь?

– Нет. Но звонят периодически.

Я забираю у них телефон и оставшиеся пару часов отвечаю на звонки и обновляю новости в соцсетях. Можно будет

рекламу заказать, когда вернусь на полный день.

Около шести звякает колокольчик на входе, и я вижу Марину. Она неожиданно мне радуется.

– Хорошо, что ты тут, – улыбается, – как раз хотела поговорить с тобой.

– Да? – я искренне удивляюсь. Мы усаживаемся на диван. – Что-то по заказу?

– Что? А, нет, там все по плану. Короче, я хотела тебе предложить кое-что.

– Что именно?

– Как насчет того, чтобы съездить на выходные на Оку? Что скажешь? Это мой дедушка предложил, ну вроде как семьей, а чтобы мне не было скучно, я могу взять с собой друзей.

– И... Ты решила позвать меня? – удивляюсь, потому что с Мариной мы точно не подруги. Я видела ее пару раз в институте с девчонками с ее курса, уж явно они больше подходят на эту роль.

– Ну да, а почему нет? – энтузиазма в девушке хоть отбавляй. И я начинаю подозревать, что дело тут нечисто. – Будет весело, серьезно! Ночевать будем в доме, не в палатке, там вроде недалеко какой-то поселок есть, дедушка так сказал. Глеба с Саввой тоже позовем, ну что скажешь, Аль?

Она невинно хлопает глазками, я только мысленно усмехаюсь. Все понятно. Глеб с Саввой. Ну конечно, если она по-

зовет только их, это будет слишком странно, а так вроде компания смешанная выходит. Шикарно она меня примотала, а.

– Соглашайся, Аль, – начинает канючить девушка, – ты не думай, насчет денег вообще без вопросов, помогу. Питание тоже с нас, папа затарится так, что на всех хватит.

Папа. Еще ведь есть папа!

– А он в курсе, что ты нас пригласишь? – спрашиваю осторожно.

– Конечно, – активно кивает Марина. – Он очень поддержал эту идею.

Ого, даже так...

– А парни что сказали?

Уверена, что Марина успела уже с ними пообщаться на эту тему. И наверняка не только на эту, в том, что они активно списываются, я не сомневаюсь.

– Они за, ну если ты согласишься, конечно.

Понятно. Тоже осознают свою неуместность. Нашли мне связующее звено между поколениями... Они просто понятия не имеют, какие у меня напряженные отношения со старшей стороной, а то бы поостереглись звать с собой. Хотя если Гордеев и впрямь не против... Почему бы и нет?

Глава 15

Сами парни, конечно, тоже появляются и даже предлагают подвезти Марину домой. Подозреваю, все-таки у них заговор за моей спиной, и он мне совсем не нравится. Злорадно думаю, что поездка загород может оказаться даже полезной. Когда парни столкнутся с грозным папочкой воочию, может, наконец поймут, что связываться с девчонкой себе дороже.

Домой отправляюсь пешком, и в пути меня застает звонок отца. Поколебавшись, снимаю трубку.

– Как дела у тебя, Алевтина? – спрашивает он после приветствия.

Я вдруг всерьёз задаюсь этим вопросом. И впрямь как? Даже и не сказать. Сумбурно, не так, как обычно – вот что точно. И виной тому одна семейка.

– Нормально, – отвечаю коротко.

– Как в институте? Все хорошо после академа?

– Да, все отлично. Как у вас? – спрашиваю из вежливости.

– Тоже нормально. Приходи в гости, может, Аль?

Я замираю почти в изумлении. Сегодня просто день внезапных событий, иначе не скажешь.

– Аль? – переспрашивает отец, потому что я молчу. – Аль, ты меня слышишь?

Откашливаюсь.

– Да. Просто... неожиданно.

– Ну так что, придешь? Давай в пятницу? Кристина готовит ужин.

Все ещё молчу, пораженная внезапным приглашением. Отец моим молчанием пользуется.

– Ждём тебя в восемь, договорились?

– Угу, – мямлю в ответ.

– Вот и отлично.

Несколько секунд пялюсь на трубку, прежде чем убрать ее в карман. Это ещё что за новости? Нет, папа, конечно, говорил не единожды, что планирует наладить наши отношения, но вот это предложение прямо такое неожиданное. Потому что я как-то не стремилась к общению, будучи уверенной, что все это ограничится редкими звонками, поздравлениями с днём рождения, ну и вот просьбой присмотреть за котом, пока он со своей женой едет в отпуск.

Меня это вполне устраивало, и ни на какие семейные посиделки за ужином я не рассчитывала. Но теперь придётся.

Ладно, пару часов я переживу, наверняка все будет не так уж страшно.

Вечер дома провожу за заказным дипломником, но в этот раз ложусь спать пораньше. Потому утром встаю по будильнику без проблем, принимаю душ, глажу светлую рубашку и укороченные брюки.

В общем, из дома выхожу во всеоружии. Только вот подлянка ждёт меня в дороге. На полпути налетает туча и с неба срывается ливень. Чертыхаясь, бегу в сторону институ-

та, прикрывая голову рюкзаком. Все равно конечно, мокну. И тут вижу краем глаза, как на обочине, сигналив, тормозит машина. Узнаю ее сразу, но сейчас мне не до размышлений. Прыгаю на пассажирское, вымученно улыбаясь Гордееву.

– Доброе утро, – говорю преувеличенно бодро.

Роман Андреевич медленно меня оглядывает, а потом отворачивается и трогается с места. Кажется, он не очень рад моему присутствию, зачем тогда было останавливаться?

– Можно совет, Завьялова? – произносит вдруг мужчина, я напряжённо цепляюсь за ремень, пристёгиваясь.

– Носить с собой зонтик?

– Это тоже, – ещё раз бросив на меня взгляд, мужчина щурится, глядя на дорогу.

– А ещё что? – пытаюсь расправить прилипшие к лицу волосы. Выгляжу, наверное, не очень.

– Если вы не хотите, чтобы вашу грудь видели все вокруг, носите бюстгальтер.

Застываю, чувствуя, как щеки начинаю гореть, а потом резко обхватываю себя руками, даже не успев посмотреть, насколько видно мою грудь. Вообще-то бюстгальтер на мне есть, просто обычный, хлопковый, и сейчас он тоже промок.

– Извините, – бормочу, закусывая губу и отворачиваясь.

Роман Андреевич не отвечает, мы сворачиваем к воротам на парковку перед институтом. Народу под козырьком ещё много, звонка не было, я озабоченно думаю, что делать. На пару идти в таком виде никак, да и вообще, вдруг кто увидит,

что я приехала вместе с преподавателем? Пока я об этом размышляю, Гордеев успевает припарковаться. Развернувшись в проеме между кресел, садится обратно с брендовым пакетом в руках.

– Вот, – суёт мне в руки, – Марина забыла в машине, там какая-то кофта. Переоденьтесь и приходите на пару.

– Спасибо, – приняв пакет, прижимаю его к груди, рубашка все ещё мокрая и вряд ли что-то скрывает. – Это как-то неудобно, правда...

– Все нормально, купит новую.

– Я отдам деньги.

Мужчина морщится, ничего не говоря, достаёт зонт. Так, пока мы не начали совместное шествие до института, надо lining.

– Спасибо большое, Роман Андреевич, что подвезли, и вообще, – говорю быстро, отщелкивая ремень безопасности.

И пока мужчина не успевает что-то сказать в ответ, выпрыгиваю из машины и несусь в сторону здания. Дождь уже не такой сильный, я его не замечаю.

Быстро пробегаю через вход и поднимаюсь на последний этаж. В туалете захожу в кабинку, достаю кофту и замираю снова. Роман Андреевич, судя по всему, не догадывается, какая именно тут кофта. Квадратный вырез такой низкий, что грудь видна как минимум наполовину, ещё и вставка под ней, ощущение, что я в лифчике, вокруг которого обшили ткань.

Надеваю кофту и, выйдя из кабинки, смотрюсь в зеркало. Ну и разврат, однако. Сунув рубашку в карман рюкзака, иду в сторону аудитории вместе со звонком. Стукнув, заглядываю внутрь.

– Можно? – говорю Роману Андреевичу.

– Заходите, Завьялова, – я делаю шаг в аудиторию, когда Гордеев поворачивает голову.

Взгляд его замирает на моей груди, держится пару секунд, а потом поднимается выше. Нахмурившись, мужчина отворачивается, а я иду дальше на негнущихся ногах.

Места впереди заняты, как я и думала, посещаемость у Гордеева полная. Сажусь в левом ряду в конце и пытаюсь сосредоточиться на лекции, выходит так себе. То и дело в памяти всплывают слова Романа Андреевича о моей груди, и его взгляд, когда я вошла в кабинет. Сiju, опустив голову, потому что смотреть на мужчину стыдно. Хорошо, что у него сегодня только наша пара, а значит разбирать дипломы буду одна. Да, я прошерстила расписание – кого-то это удивляет?

Поднимаю глаза, Роман Андреевич стоит перед кафедрой, воодушевленно рассказывая лекцию. Некоторое время смотрю на него, а потом он чуть поворачивает голову, и мы сталкиваемся взглядами. Я теряюсь, словно меня застучали за чем-то незаконным и быстро опускаю голову. Когда поднимаю глаза, Гордеев уже на меня не смотрит.

Черт, как-то это все неправильно, ну правда. Если бы мы

не были знакомы раньше, наши отношения были бы другими, а сейчас они чересчур личные для студентки и преподавателя. Так ведь, я не выдумываю?

После третьей пары иду на кафедру, надеясь, что никто меня не будет допрашивать, но там и вовсе пусто. Ну и хорошо, прохожу к двери кабинета, открываю и застываю, потому что вижу стоящего на стуле Гордеева, ставящего на верхнюю полку стеллажа стопку работ.

Как же так, откуда он здесь? Он точно уезжал, потому что сейчас одет в джинсы и футболку, на спинке стула спортивная кофта.

Гордеев поворачивается на стуле, а я испытываю желание снова прикрыть грудь: сверху в таком вырезе её, наверное, видно всю целиком. Роман Андреевич спрыгивает, отряхивая руки одну об другую.

– У вас же сегодня только одна пара, – зачем-то говорю я. Мужчина усмехается.

– Решил помочь вам, Завьялова, думаю, вместе мы за сегодня закончим. Ну чего застыли? Заходите, закрывайте дверь.

Глава 16

Наверное, у меня чересчур ошарашенный вид, потому что Гордеев рассматривает меня с улыбкой, которая делает его таким милым, что просто глаз не оторвать. Подходит сам, взяв за локоть, отводит в сторону и закрывает дверь. Это наконец приводит меня в чувство. Быстро прохожу в глубь кабинета, скинув рюкзак на пол, оглядываюсь.

– А вы тут давно разбираетесь? – спрашиваю мужчину.

– Не особо, приехал минут двадцать назад.

– Ясно. Ладно, давайте тогда продолжим.

Углубляюсь в разборы, работа идёт в тишине, за что я в общем-то благодарна. Минут через десять раздаётся стук в дверь.

– Да, – произносит громко Гордеев, мы оба смотрим, как на пороге появляется Карина.

Я хмурюсь, в то время как она несколько смущенно улыбается. Правда, не уверена, что смущение не деланное.

– Карина? – удивляется Роман Андреевич, а я почему-то думаю, что ко мне он только по фамилии обращается. Ну за редким исключением.

– Алевтина мне рассказала, что вы тут разбираете бумаги, хотела помочь вот.

И глазками хлопает с наращенными ресницами. Я почему-то начинаю злиться, ну вот какого черта она приперлась?

Без нее что ли не разберемся? Конечно, Гордеев ей не откажет, лишние руки не помешают, быстрее отделается от всей этой бумажной волокиты. Да и мне это на руку, поскорей уйду отсюда. Вот и прекрасно. Наверное.

Я даже не замечаю, что так и стою, не двигаясь. Лица Гордеева мне теперь не видно, потому что он подошёл к Карине.

– Спасибо, – говорит ей, – но мы с Алевтиной справимся сами, работы осталось немного.

Девушка явно теряется, я распахиваю глаза в удивлении.

– А... Ну... – мямлит, потом выдавливает улыбку. – Что ж, хорошо. А насчёт дипломника?...

– Давайте через месяц-другой, – коротко отвечает Гордеев, – а сейчас нам надо тут закончить.

Карина теряется ещё больше, пятится и покидает кабинет, буркнув «до свидания».

Когда Роман Андреевич поворачивается, я спрашиваю:

– А почему вы отказали ей?

Наверное, у меня очень непонимающий взгляд. Гордеев, вернувшись к стопке дипломников, отвечает:

– Потому что она ко мне клеится.

Я открываю рот.

– Вы это понимаете? – задаю дурацкий вопрос.

– Конечно, – усмехается он. – Это же очевидно. И сюда она пришла по той же причине. Романов со студентками я не завожу, а кроме кокетства от девушки никакой пользы нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.